

84(4Телсе)
Г32

ФРИДРИХ ГЕЛЬДАН

СМЕРТЬ
ЭМПЕДОКЛА

ТРАГЕДИЯ

А С А Д Е М И А
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ТОК

ФГЕЛДЕРИИ
СМЕРТЬ
ЭМПЕДОКЛА

ACADEMIA

И (нет)

ГЗЛ

ГЛАВЪ ИЛИ СМЕРТЬ ЭМЦЕДОК

0000534409

И(нем) | 209804 ⁷ ₈₄

Г 32 | Гельдерлин Ф.

Смерть Эммедокла.

ц. 1р.

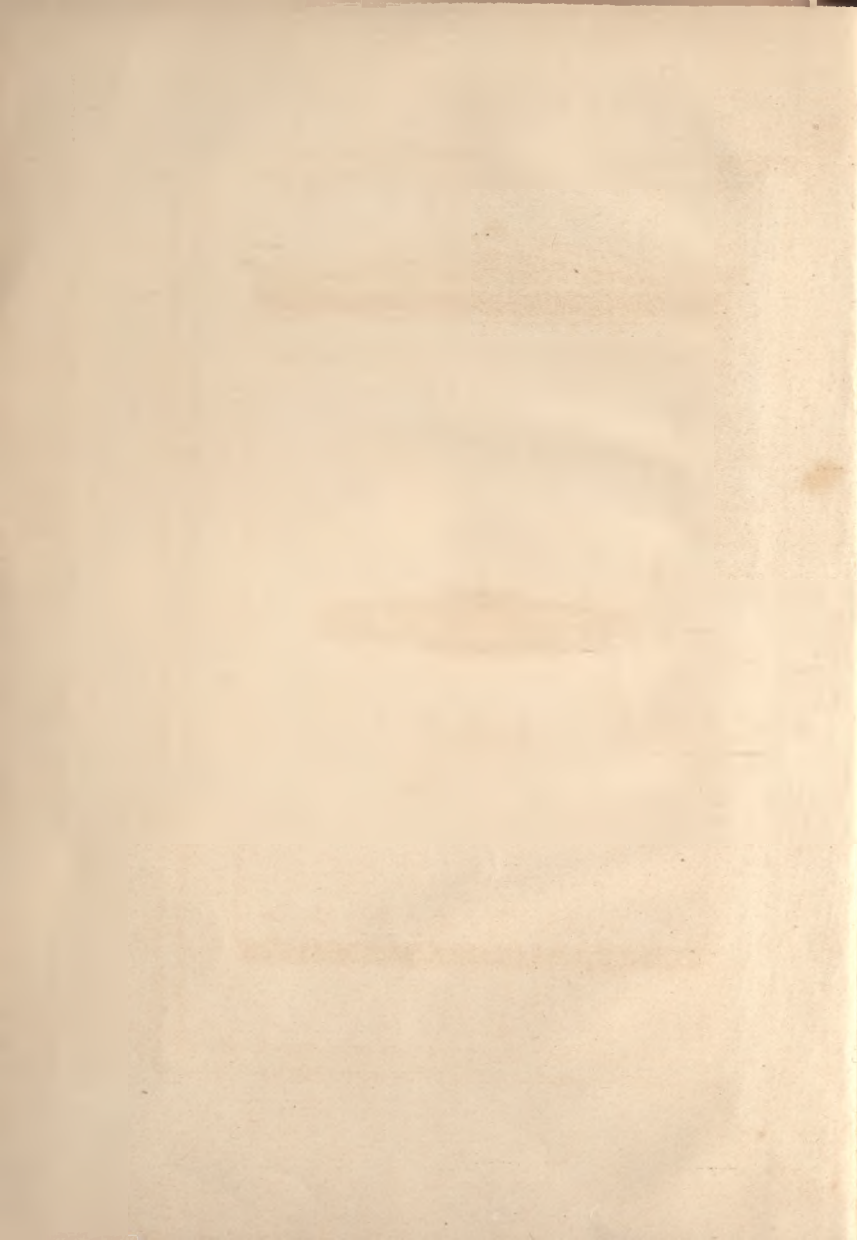
24/IV-76. 584 Жуковские

209804

84

П73

073

1877
730

ИМПЕРАТОРСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ
ИМПЕРАТОРСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ
209804

ИМПЕРАТОРСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ

Рис. 18

КЛАССИКИ МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ФРИДРИХ
ГЕЛЬДЕРЛИН

ЭМПЕДОКЛ

А С А Д Е М И А

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД 1931

и (нет)

Г32

В. Муванов

- 1 -

ФРИДРИХ ГЕЛЬДЕРЛИН

СМЕРТЬ
ЭМПЕДОКЛА

ТРАГЕДИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ПЕРЕВОД
Я. ГОЛОСОВКЕР

209804 2014

А С А Д Е М И А

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД 1931

782
БИБЛИОТЕКА

Инв. №

Береги книгу и возмужай в слов

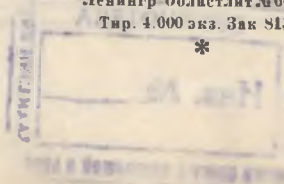
№(МЭМ)И

237

РИСУНОК ОБЛОЖКИ, СУПЕР-ОБЛОЖКИ
И ТИТУЛА РАБОТЫ ХУД. В. П. БЕЛКИНА

2-я тираж. Транспечати НКПС. —
Ленинград. Ул. Правды, 15.
Ленингр. Областлит. №64085.
Тир. 4.000 экз. Зак 8158.

*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Инициатор настоящего издания, переводчик «Эмпе-докла» Я. Э. Голосовкер пишет по поводу Гельдерлина:

«До мировой войны какой-то неведомый, полуведомый Гельдерлин числится в примечаниях к истории западно-европейской литературы — вообще как примечание к романтической школе в Германии — где-то там меж «бурей и натиском», Клопштоком и романтиками, как-то путается в ногах Гёте и Шиллера, кажется поэт, кажется кретин, даже длительно кретин, чуть ли не в течение 40 лет, — и умер где-то там в примечаниях к большой исторической жизни, как маленькое примечание жизни литературной, лет около ста назад.

Так оценивали Гельдерлина историки литературы.

И вдруг поэту из примечания воздается апофеоз. Фридрих Гельдерлин национализируется, канонизируется, интернационализируется Европой: Гельдерлин — мировой поэт!»

Это суждение Я. Голосовкера совершенно правильно и уже поэтому Гельдерлин не может не представлять интереса для нашего читателя. В то время, как в Германии буйно расцветал экспрессионизм, Гельдерлин был вознесен на высоту лучших поэтов этой страны. Его провозгласили мудрецом и пророком. Сейчас эту преувеличенную оценку несколько снизили, но Гельдерлин остался почти для всякого образованного немца в числе 10—12 литературных гениев нации. О нем создались по-

истине гигантская литература, рассматривающая его творчество с философской и культурно-исторической, формально-литературной и психиатрической стороны.

Гельдерлин жил в замечательную эпоху высокого подъема настроения немецкой буржуазной молодежи. Движение это было особенно сильно на Рейне и в южной Германии. Эти сыновья патрициев, как Гёте, разночинцев, как Шиллер, пасторов, как Гельдерлин— все эти Шеллинги, Гегели, а за ними сотни других с известными, полунизвестными и неизвестными именами, кипели под влиянием идей, проникающих из соседней Франции, и откликались бурей чувств и мыслей на политическую, т. е. реальную, практическую бурю Французской Революции.

Германия не созрела еще в то время для буржуазной революции, еще меньше для тех крайних революционных выводов, которые сделали якобинцы и заглядывавшие еще глубже в будущее бабувисты. Интеллигенты Германии остались интеллигентами. Им не дана была ни сила буржуазии, стремящейся, в своих верхних слоях, стать господствующим классом, ни переживаний взволнованных народных масс. Они повисли в воздухе. Это своеобразно искалечило их мысль: она пошла вглубь по путям поэтическим и философским. Невольная оторванность от возможности воздействия на практическую жизнь постепенно привела к отрицанию примата практики и даже к презрительному отношению к ней.

Германский народ как раз в то время становился «народом мыслителей и поэтов». Такое определение означает народ лишенный деятелей. Конечно, князья, поэты, дворянство, крупная буржуазия, да и простой народ, т. е. обывательское мещанство, крестьянство работали, — «делали дело». Но это не было творческое, поступа-

тельное дело,—это было мелкое деячество, какое-то «жили-были». Примириться с этим интеллигенция никак не могла. Она протестовала шумно, резко. Она мечтала о бунтарских выступлениях и, чувствуя, что для революции время не созрело, невольно в своем отчаянии, натыкалась мыслью на какие-то полубессознательные революционные порывы, идеи разбойничьего характера.

В этом отношении Карл Моор Шиллера и герой Гельдерлина—Гиперион во многом братья и по идеологии и по судьбам.

Гельдерлиц—колоссально одаренный, внутренне музыкальный человек, с лиризмом, легко развившимся в метафизику, воспринимающий реальность как аккорд космической спянности, мучительно испытывал разрозненность окружающей социальной жизни. В нем жила мечта об ином, лучшем мире, прообраз которого он находил в идеализированной Элладе. Там царил глубокая гармония между природой и человеком! Там искусство рождалось само собой, было, так сказать, стихийным выражением контакта человека с природой. Именно из этого непосредственного, полусознательного, полупассивного, полутворческого акта выросла мифология, рождающая искусство, выросла поэзия, философия и, наконец, религия, одна в идеях, другая в живых символах, образах, систематизирующая единственно целостное представление и чувство человека себя и природы. «Дух» охватывал всю культуру, всю повседневность древнего грека. Именно так надо жить.

Развитие разума заставило человечество отпасть от этой счастливой целостности. Оно своей дисгармонией унижительно мучило человеческую душу. Гельдерлин не испытывал его однако как вечное проклятие. Он верил в то, что именно из различия человека и природы, из его распавшейся жизни вырастет новая

«вершина» древа, а именно идеал. Идеал есть задание, есть программа лучшей части человечества. Теперь дело заключается в том, чтобы воплотить его, чтобы разумно вернуть по некоей стезе утерянный «тезис» единства.

Читатель видит, что это рассуждение Гельдерлина по духу своему очень напоминает Гегелевскую манеру мыслить и, между прочим, во многом совпадает с показавшимся кое-кому неожиданным отрывком из введения к «Zur kritik der politischen Oekonomie» Маркса о Греции, об искусстве.

Совершенно естественно, что Гельдерлин, далекий от масс и поэтому с некоторым ужасом относящийся к возможности массовой активности, гораздо больше верит в гения и героя. Гений и герой—это пророк, вождь лучшей части человечества в его стремлении к воскрешению потерянного единства жизни. Таким гением и вождем мечтал быть сам Гельдерлин. В великодушном по своему стилю, глубине и чистоте мыслей лирическом романе «Гиперион», Гельдерлин, никогда не пытавшийся заниматься практической деятельностью, изображает сначала взлет и потом падение вождя, чутьем действительности навеянную картину поражения Гипериона на путях революции за восстановление свободы Греции. Гипериону и его другу Алабанде в протесте против общественного уклона приходится опираться на разбойников, как и Карлу Моору, и так же, как Карлу Моору, убедиться в негодности этой опоры.

К какому же выводу толкает трагическая гибель Гипериона? Законы жизни — законы рабства, — душат человека и вызывают его протест. Но если преступить эти законы, то можно оказаться в обществе вульгарных преступников, самому сделаться таким преступни-

ком. Таким образом, Гипериону заказаны все пути к моральной реформе жизни соответственно его планам.

Громадная вера в себя, которую вселяла в Гипериона Диотима (отражение мучительной любви самого Гельдерлина), рухнула. Правда, Гиперион видит спасение в чем-то высшем или, вернее, в вере в неисчерпаемость жизненного процесса, а поэтому и в неизбежность светлого будущего. На деле, однако, надежда эта не оправдалась.

Попытки мессианства выявлены были Гельдерлином исключительно в области поэзии. Ему казалось, что у него будет сначала немного, а потом все большее количество последователей, его окружают ученики, попямающие звучные тайные гимны, в которых он возвестит свою новую религию. Ему, повидимому, часто серьезно приходила в голову мысль, что он есть некий новый христос или антихрист, который братски относится к своему предшественнику (см. великолепный, хотя во многом темный „Гимн Христа“), в общем он пришел, чтобы восстановить древнее язычество. Но вместо этой величественной миссии, Гельдерлин находил в жизни какие-то жалкие местечки какого-то полулакейского характера. Пророческое честолюбие Гельдерлина, музыкальный творческий напор в области мыслей и в области формы бушевали в нем, и каждая встреча волн этого внутреннего кипения с тесными, ограниченными рамками окружающего общества причиняли невыносимую боль. Наконец, сознание Гельдерлина, то потухая, то вспыхивая, погасает совсем и несколько десятилетий он живет поверженный шизофренией в состоянии безумия.

Большой спор велся позднее относительно самой болезни Гельдерлина. Невольно приходит в голову мысль принять ее, как явление социальное. Но психиатры

утверждают, что шизофрения есть чисто наследственная болезнь, которая одинаково проявляется при всех жизненных отношениях.

В моем большом докладе в Коммунистической Академии о патологических и социальных факторах в истории литературы, я взял Гельдерлина, как пример, для доказательства, что патологические явления в литературе характеризуют только некоторую серию как бы извращенных инструментов, оказывающихся очень подходящими для извращенных, больных эпох. Я хочу сказать: эпохи здоровые берут здоровых писателей в качестве своих глашатаев. В такие эпохи больные гибнут, их никто не слушает. Эпохи патологические, ярко переживающие жестокие крушения надежд, находят своих лучших выразителей как раз в патологических, остро чувствующих, экстатических художниках. Здоровые люди в такие эпохи кажутся представителям падающего класса грубыми, тупыми, мало выразительными. Но рядом с этим я указывал в своем докладе на то, что социальная стихия (классы в их борьбе), берет тот или другой человеческий инструмент в свои руки обрабатывает их, довершает их тип, иногда ломая при этом самого человека. Социальная стихия выливается в наиболее подходящее русло, а потом своим потоком меняет это русло. Огромное удовлетворение доставил мне тот факт, что в исследованиях (кажется, еще не опубликованных), академика И. П. Павлова, который в последнее время занимался и вопросами деменции, есть идея, сообщенная мне одним из его осведомленных сотрудников, о том, что проявления временного, а иногда и окончательного слабоумия в значительной степени могут быть взяты именно как социальное явление, т. е. как чрезмерное торможение, которым организм реагирует на слишком большие страдания обо-

стренной мысли, истерзанного чувства. Это объясняет с социальной точки зрения, почему так часто как раз мыслители и поэты, выражающие диссонансы эпох на самых резких дисгармониях своего протеста и недоумения, переходят к бредовым высказываниям и совершенно угасают в ночи слабоумия. Если утверждение акад. Павлова верно, мы могли бы сказать психиатрам, что имеем здесь не какой-то социально беспочвенный процесс, в котором данного художника поражала та внутренняя болезнь распада всей нервно-мозговой системы, которая протекала бы одинаково при всех условиях. Нет, мы имели бы здесь чисто социальный факт. Следующее за тем слабоумие можно было бы рассматривать как результат социальной дисгармонии, социальной борьбы, не забывая, конечно, при этом, что наследственность может играть тут существенную роль, создавая место наименьшего сопротивления, предпосылки к катастрофе.

К таким мыслям приводит, повидимому, судьба Гельдерлина. Уже его современники—и Гете, и Шиллер, и Гегель—тревожно останавливались на этой судьбе и своеобразно на нее отвечали. Шиллер в нескольких словах упоминает о людях, подобных Гельдерлину, об их мечтаниях, о их неплототворности, и чувствуется, что фатальный конец, который, по мнению Шиллера, вытекает из самого их характера, не заставляет Шиллера осудить их, он скорее горько их жалеет. От этих крушений, последовавших в результате непокорности духа, веет на Шиллера чем-то внушающим ему уважение. Еще глубже взглянул на это явление Гегель. Несомненно, Гельдерлина имел он в виду, когда говорил о жертвах своего великого, слишком непримиримого духа. По Гегелю выходит так, что, конечно, такой протестант заслужил своего конца, тут есть его вина, но

она же является, в известной степени, его заслугой, если допустить здесь некоторую игру слов. Вина таких людей в том, что они не согнулись, не вступили в компромисс с действительностью, что они хотели идти напролом, но в этом же и их подвиг. Они гибнут, но от них остается некоторое светлое зарево, могущее указать путь другим. Под лозунгом „отречение“ („Entsagung“). Гете всю жизнь величественно и плодотворно, но все-таки неуклонно отступал. Отступал и Шиллер, отступал и Гегель, каждый по своему. Гегель особенно проныцательно примирялся с действительностью. Он несомненно создавал предпосылки научного социализма, который полон реализма, объективности и вместе с тем революционной активности и творческого духа. Гегель не мог полностью осуществить этот широчайший синтез, в котором так долго билась в таких же условиях развивавшаяся мысль Белинского. Но он сделал в эту сторону исполненные шаги.

Однако, в собственной жизни, в пределах своего мирозерцания, это были шаги, отступающие перед природой и особенно природой общественной. И уже не люди ему преданные, а представители молодого пролетарского класса, правда, учившиеся у них, сделали из этого отступления внезапный прыжок вперед в верном направлении.

Не то Гельдерлин. Он сразу поставил себе непомерную задачу. Будучи поэтом-мессией, провозвестником мира, борцом за новые пути, казавшиеся ему ясными, пути восторженного энтузиазма, романтики, слияния с сущностью бытия и на этом построенной культуры, не уступая никому и ни в чем, непрактичный, всем чуждый, как редкий металл, не могущий войти ни в какое химическое соединение с окружающими, Гельдерлин погиб. Но он погиб, как великий человек. И из

его могилы растет живое дерево, к которому многие ходят теперь на поклон.

Наиболее трагически изобразил свою судьбу Гельдерлин в оставшейся незаконченной драме „Эмпедокл“! Она во многом темна, но в общем, однако, основная линия ее определена: Эмпедокл — человек гордыни, человек греческой *hybris*, с которой вели борьбу эллипские трагики. Эта гордыня благородна и плодотворна у Эмпедокла так же, как у Прометея в дошедшей до нас части знаменитой трилогии Эсхила. Вель Эсхил задумал своего Прометея для того, чтобы, сделав из него предельную меру бунта с наилучшими к тому аргументами заставить его все-таки склониться перед миром власти, перед принципом мирового порядка — Зевсом. Но время испекло те части, в которых поется песня мира, и оставило ту часть, где звучит песня бунта. И в ней Эсхил сосредоточил такую массу аргументов для своего противника, для его бунта, что Прометей сделался в веках великим предста. ителем революционного начала.

У Гельдерлина не так. Гельдерлин показывает Эмпедокла уже на вершине победы (Ницше очень тонко различал такого рода преступление — *Frevel, om Sünd* — от греха). Теперь начинается возмездие природы, — символически выражаясь, боги не терпят того, чтобы человек взял на себя божескую миссию, чтобы он стал благотельным вождем человечества и изменил течение времени. Эмпедокл сам ужасается своих дерзновений, но вместе с тем облагодетельствованная им толпа, тянувшаяся к слишком высоко поднявшемуся вождю, и ее мелкие и слабые руководители травят его. Внутренний и внешний крах приближается, и великая личность, отпавшая от закономерного хода бытия, стремится уйти в природу, соединиться с пей каким

бы то ни было актом. Эмпедокл бросается в кратер Этны.

Как я уже сказал, русскому читателю следовало бы ознакомиться подробнее с замечательными произведениями Гельдерлина.

Трудно сказать, однако, насколько уже в настоящий момент эта тончайшая и чистая поэзия могла бы найти у нас более или менее широкого читателя. Поэтому мы не решались пока говорить о „Гиперионе“, не обратились к нашим поэтам для перевода изумительной лирики Гельдерлина.

Мы на первое время предлагаем читателю эти фрагменты из Эмпедокла, крайне характерные для германского поэта.

Я. Э. Голосовкер с великой любовью перевел оставшуюся от автора часть задуманного труда на русский язык. Глубокомысленные примечания, которыми он снабдил свой перевод, помогут читателю в понимании мыслей Гельдерлина.

А. Луначарский.

ИЗДАНИЕ

СМЕРТЬ ЭМПЕДОКЛА

209804

УЧАСТНИКИ

Эмпедокл.

Гермократ — жрец.

Критий — архонт.

Павзаний — ученик Эмпедокла.

Пантея — жрица Весты, дочь Крития.

Рея — ее подруга, жрица весты.

Делия.

Крестьянин.

1-й Агригентянин.

2-й Агригентянин.

3-й Агригентянин.

1-й

2-й

3-й

РАВЫ ЭМПЕДОКЛА.

Толпа граждан.

АКТ ПЕРВЫЙ

Агригент. Перед садом Эмпедокла. Две жрицы Весты:
Пантея, Рея.

ПАНТЕЯ.

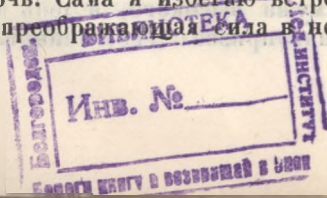
Вот его сад. Там в потаенном сумраке, где бьет ключ, там стоял он недавно, когда я проходила мимо! — Ты никогда не видела его?

РЕЯ.

Могла ли я? Только вчера я прибыла с отцом в Сицилию. Но некогда, еще ребенком, я видела его на колеснице во время олимпийских игр. О нем тогда так много говорили, и навсегда запомнилось мне его имя.

ПАНТЕЯ.

Вот ты теперь взглянула б на него! Теперь! говорят: растения льнут к нему, где он ступает, и подземные воды пробиваются, где земли коснется его посох! Как этому не быть! А когда в грозу он смотрит на небо — туча разделяется, и ясный день проглядывает. Но что слова! Увидеть ты должна его! Мгновение взглянуть — и прочь! Сама я избегаю встречи с ним: могучая всепреображающая сила в нем.

209804

Р е я.

С другими как живет он? не понять мне,
Что в этом человеке?
Знает и он, как мы, пустые дни,
Когда себя ничтожным мнит и старым?
Умеет он, как человек, страдать?

П а н т е я.

Ах! Когда в последний раз его
Под сенью тех дерев я видела,
Мне думается, горе знал — божественный!
В тоске неизъяснимой, скорбно взыскаю
Взглядом, как тот, кто много потерял,
Он приникал к земле, то ввысь сквозя
сумрак

Роши глядел, как если б в синадель
Вдруг отлетела жизнь его и скорбь
Владычного лица, мне сердце бурное
Перевернула — как! и ты закатишься,
Прекрасная звезда! и ждать недолго.
О предчувствие!

Р е я.

Но мне скажи, Пантея,
Ты говорила с ним когда?

П а н т е я.

О, что напомнила о том? Недавно я при смерти
лежала в недуге. Уж сумерками зыбился мне
ясный день и, как бездушный тенеобраз, качаясь,
скользил по солнцу мир. Тогда отец, хотя и не-
преклонный враг мужа высокого, в день без-
надежный для меня, призвал его, тайноведа

природы. И когда дивный подал мне целебное питье, и слились в волшебстве примирения враждующие во мне силы жизни и, будто возвратившись к недумию сладостного детства, спала я наяву много дней подряд, почти что не дыша. Когда впервые на свежем воздухе все существо мое раскрылось вновь навстречу давно утраченному миру, и глаза по детски-любопытно распахнулись к сиянью дня — он, Эмпедокл, предо мной стоял! О, как божественен был он! Как близок мне! В улыбке глаз его вновь расцвела для меня жизнь! Ах! будто облако утреннее навстречу мое сердце потекло высокому, сладостному свету, и нежным отсветом его была я.

Р е я.

О, Пантея!

П а н т е я.

Звук из его груди! Дрожанье всех мелодий в каждом слове! И духа мощь при слове! У ног его сидела б я часами, как ученица, как его дитя, чтобы в эфир его глядеться, возликовать к нему, пока в его небесной высоте не потерялся б разум.

Р е я.

Что б он сказал, о, милая, то слыша?

П а н т е я.

Не слышит он. В кругу своей вселенной
Живет он вольно. Меж своих цветов
легко проходит он
В божественном покое. Ветерки
Счастливого не смеют потревожить.

Безмолвен мир пред ним. Сама собой
 В нем крепнет мощью радость вдохновенья,
 Пока из творческих восторгов ночи,
 Как искра, мысль не выпрыгнет, — тогда
 Грядущих подвигов к душе напором духи,
 Мир, тревоженья жизни трудолюда,
 Природы тишина — так явны вдруг!
 Тогда он бог среди родной стихии,
 И яство — песнь небесная ему.
 Теперь в народ он идет — в дни, когда,
 Перекипая площадей брожение
 К могучему в бессилии взывает.
 Тогда он правит, кормчий-властелин,
 И кажет выход бурному кипенью.
 Но только наглядятся вдоволь, чуть
 Они привыкнут к вечно чуждому,
 Уже готовы, — нет его! ушел!
 Под сень листвы сманил его мир тихий
 Растений: там отрадней быть ему,
 Туда влечет таинственная жизнь,
 Избытком сил сопричащаясь с ним.

Р е я.

О, говорунья, знание откуда?

П а н т е я.

О нем все дума. Сколько дум еще
 О нем мне передумать. Ах! что в том,
 Когда проникну? Быть им — значит жить.
 А мы? Мы прочие? Мы — только сновиденье
 жизни той.
 Не мало мне Павзаний, друг его,
 Порассказал о нем. Что день встречает

Его тот юноша: Юпитера орел
Не горже, чем Павзаний — и по праву горд.

Р Е Я.

О, милая, я не корю за слово,
И все ж в душе неизъяснима грусть.
Хотела б быть как ты, и не хотела б,
И вновь хочу. Вы все ли таковы
На этом острове? Есть и у нас
Мужи великие на радость, и один
Теперь афинянкам сияет солнцем:
Софокл! Меж смертных всех
Ему впервые дивная природа
Открылась дев, его душа далась
Воспоминаньем чистым. —
И каждая хотела б мыслью быть,
Быть мыслью дивного и грезит: юность
Вечнопрекрасную, пока она не блекнет,
Спасти, передарив душе поэта.
И думает, пыгает: кто ж из дев
Сурово-нежная та героида града,
Прообраз чей пред ним витал? Да, кто,
Кто Антигона? — Мир для нас в сияньи,
Светлей чело, как только друг богов
В день ясный празднества в театр вступит.
Но беспечально мы упоены.
Так сокрушаться сердцем — никогда!
До гибели свергаясь в поклоненье.
Собой ты жертвуешь, — мне ль не понять!
Он сверхвелик, и ты не устояла.
К безмерному безмерна и любовь.
Но не помочь ему! тебе самой,
Его погибель предзнаменованье,

И ты, ужель! О, доброе дитя,
Погибнешь с ним?

П а н т е я .

Мне гордость не внушай!
И за меня, как за него, не бойся.
Нет, я не он! И если гибнет он,
Его погибель быть моей не может:
Ибо и смерть великих велика.
И мнит оруженосец вслед герою
Пройти сквозь пламень рока заодно —
Избранником он должен быть, как тот,
Что этот муж претерпит, о, поверь!
То претерпеть дано ему — не мне.
И если б он противу всех богов
Мог прегрешить и гнев их на себя
Навлек, и я грешить хотела б,
Как он, чтоб участь равную нести,
То было б так, как если б кто чужой
Вмешался в спор двух любящих.
— Что хочешь? — (Заговори вдруг боги!). —
Ты, глупая, нас оскорбить, как он.
Не в силах.

Р е я .

Думаю, ты мнишь себя
Ничтожней, чем ты есть: не го, скажи,
Влечение откуда?

П а н т е я .

Ах, голубка!
Но мне то знать откуда, почему
Я вся его? — Тебе б его увидеть!
Вот если б вышел из дому, (Охотно

Он в этот час по роше вечно-юной
 Гуляет, чуть день свеж на миг, как он.)
 О только бы, как он пройдет, взглянуть!
 Не правда ль, то желанье! лучше б мне
 Отвыкнуть от желаний! Ах, не любя
 Мольба нетерпеливая богам.
 И правы! Что они, желанья...
 Отныне — никогда! Но ведь должна же
 Надеяться; вы добрые? И ничего
 Нет у меня — есть только он.
 Хотела б вас молить я, как другие,
 Дать ведро, дождь... О, если б я могла!
 О, вечность тайны! Что мы есть, что
 ищем —
 То не находим. Что находим —
 Увы! не мы. О, сколько в этом часе!

Р е я.

Там твой отец идет. Взгляни, не знаю
 Остаться нам? Уйти?

П а н т е я.

Что говоришь?
 Мой отец? Скорее прочь отсюда!

К р и т и й-А р х о н т, Г е р м о к р а т ж р е ц

Г е р м о к р а т.

Кто там идет?

К р и т и й.

Как будто моя дочь
 И с ней подруга, гостя дочь. Вчера
 Его под кров я принял, Гермократ.

Г Е Р М О К Р А Т.

Случайность? Или тоже, как народ
Ищут его и верят, что исчез он?

К Р И Т И Й.

Молва чудесная навряд ли докатилась
До слуха дочери. Но и она, как те,
Вся за него. Уйди
В пустыню он, уйди в леса иль
за море далеко,
Сквозь землю провались, куда б его
Ни унесла безудержная мысль.

Г Е Р М О К Р А Т.

Пустое! Дай взглянуть им на него,
И дикий бред от них — как ни бывало.

К Р И Т И Й.

Но где он?

Г Е Р М О К Р А Т.

Где? Недалеко от нас,
Сидит потерянный во мраке. Боги
Отняли силу в тот день у него,
Когда себя он в опьянении темном
Перед народом богом возгласил.

К Р И Т И Й.

Народ, что вождь! Он пьян! он нем и глух
И к голосу закона и нужды.
Им суд — не суд! Обряды старины
Средь клокота галдежвого нелепиц,
Как мирный брег под певною волной.

Разгульным праздником все дни глядят:
Всем приздникам он праздник, и богов
В нем скромность празднеств растворилась,
Всеомрачающим порывом бурь
Окутал он и твердь и небо,
Сам вызвал непогоду, чародей,
И в логово укрывшись, в тишину,
Любуется и торжествует в духе.

Г Е Р М О К Р А Т.

Душой могуч был этот муж меж вас.

К р и т и й.

Да говорю, все нипочем народу:
Он! Только он! Он даст им все! Ну да,
Он бог их, царь! Я сам стоял пред ним
В стыде, потерянный, когда от смерти
Мое дитя он спас. Но кто же он?
Ты как разгадываешь, Гермократ?

Г Е Р М О К Р А Т.

Его любили боги сильно.
Но первый он, кого они затем
Низвергли в ночь несмысленного бреда,
С вершины благосклонности: как смел
Он позабыть в том преизбытке счастья,
Что он не бог, и жить самим собой.
Так грянуло возмездье! покарали
Его души пустыней боги. —
Но час последний не наступил — грядет.
Не вытерпит он, баловень богов,
Позора казни — тут уж позабочусь! —
И вспыхнет в смерть ушедший дух его,
Воспламененный духом мщенья.

Сквозь полянь неистовый мечтатель
 Заговорит, — как бесноватые
 По Азии бродячие флейтисты, —
 Что он богов по слову съединил.
 Тогда пред ним утраченным богатством
 Вдруг распахнется животворный мир,
 Чудовищно зашевелится в нем,
 В его груди, желания, и пламя,
 Куда ни кинется — преграды нет.
 Низвергнет он закон, искусство, нравы,
 Предание — и все, что до него
 Под добрым временем созрело.
 И мирный труд, и радости живых
 Он не потерпит, сам немирный.
 Как гибнет все, так вновь возьмет он все,
 И не сдержат неистового смертным
 В его мятежной схватке с бытием.

К р и т и й.

Старец! нет имени прозренью твоему.
 Правдива речь. Но если сбыться ей —
 Увы! тебе, Сицилия, увы!
 За красоту и рощ твоих и храмов.

Г е р м о к р а т.

Богов возмездье поразит его
 До наступленья дел. Ты только б
 Народ собрал, а там я поведу,
 Предстану с ним перед лицом героя,
 Который будто возлетел в эфир.
 Так говорят они — они и будут
 Свидетелями, как проклятье
 Я возвещу ему. Они в пустыню
 Его изгонят, чтобы там безвозвратно

Отшельником он искупал тот час,
Недобрый час, когда изрек: — я бог!

К р и т и й.

Но если дерзкий одолеет вдруг?
Народ ведь слаб. Не страшно ль за себя,
И за меня, и за твоих богов?

Г е р м о к р а т.

Слово жреца крушит и дерзкий ум.

К р и т и й.

И думаешь, они долголюбимого,
Проклятием истерзанного до позора,
Из сада тихого — его приюта,
Из города, где он рожден, изгонят?

Г е р м о к р а т.

В стране родной кто смертного потерпит
На ком проклятья мета за вину?

К р и т и й.

А если за хулителя тебя
Вдруг примугает, кто чтит его, как бога?

Г е р м о к р а т.

Погода переменится, едва
Воочию они того увидят,
Кто якобы вознесся в мир богов!
Уж сами сердцем чуют высшего.
Вчера в печали из дому они...
По улицам грустя бродили.
О нем все речь. Я слышал, следом шел:
Тогда сказал им, что сегодня их

Я проведу к нему, но что пока
 Пусть каждый дома мирно выждет время.
 Вот потому я и просил тебя
 Пойти со мной, чтоб убедиться: мне
 Послушны ли? Взгляни-ка: ни души.
 Кругом безлюдие. Ну, что ж, пойдем!

Критий.

Гермократ!

Гермократ.

А что?

Критий.

Его я вижу.

Он! вправду он!

Критий.

Уйдем! скорей! Не то
 Заговорит, опутает речами.

Грот в саду Эмпедокла.

Эмпедокл.

Ты в тишину ко мне так неприметно
 В сумрак грота, где я скрывался, проник,
 Ты ласковый! моей надежды гость.
 Уж издали, там над землей, уловил
 Я твой возврат, твой проблеск, светлый
 день.

И вас, мои друзья, о трудометные
 Силы высот! Вы вновь мне сродны,
 Вы вновь, как были, о вы, счастливые,

О вы, неблудные, деревья роши моей!
Вы все росли и светом вас, что день,
Небесный ключ поил, застенчивых.
И искры жизни рассевал эфир,
Чтоб вас, цветущих, оплодотворить.
Подруга, ты, природа! Вижу я,
Ты предо мной. Но узнаёшь ли друга,
Возлюбленного?.. Или не узнаёшь
Служителя? Тебе он приносил
Песнь жизни будто жертвенную кровь.
О! там у священных деревьев,
Где воды из недр земли
Собираются в знойную пору,
Чтобы жаждущих утолить —
И во мне! и во мне!
Вы, источники жизни, брызнув,
Из мира глубин, вы прежде бурно
Стекались — и шли
Жаждающие ко мне: — а теперь?
Забывтый? Как! я здесь один!
И что же! Ночь вокруг меня и днем?
Кто высшее, чем око смертных, видел,
Тот ослеплен для ошупи пустот —
О, боги! где вы, боги!
Увы! покинули,
Как нищего, меня,
И эту грудь, что льнула к вам с любовью,
Зачем повергнули вольнолюбивую,
Сдавили тесных уз позором?
Как вытерпеть мне своевольному
Все это поношенье! будто в Тартаре
Прикован я, как жалкий, к старой тачке.
Я опознал себя. Я так хочу. Мне душно!
На воздух! А!!! — так рассветаи же день!

Туда!.. И мне, при гордости моей,
Мне целовать прах той стези, где некогда
Ступал в чудесном сне?.. он канул, сон.
И я проститься должен...

Я был любим, любим был вами, боги,
Ах! глубоко. Как вы друг в друге жили,
Так знал я вас. О нет! то был
Не сон... У сердца я держал тебя,
Вас осязал, я вас познал,
Я с вами созидал.

О, как душа волнуется —
Эфир, ты, тихий! Когда смертных безумье
Терзало душу мне, и ты дыханьем
Кровоточащую мне нежил грудь,
Всеразрешитель! И это око видело
Всю мощь твою, о всетворящий свет!
Как часто я прислушивался сердцем
К тебе и к вам, другим, вечномогучим!
Иль стоя там на горной высоте,
О, тень!....

.....Нет миновало.

И ты, — к чему самообман! — ты сам
Всему виной, Тантал-Страдалец!
Святилище ты осквернил. Твоя
Союз прекрасный расторгла гордыня.
О, жалкий! Когда гении вселенной
Ог полноты любви в тебе забылись,
О ком ты думал? — о себе. Ты возмечтал,
Глупец, что в рабстве у тебя благие,
Что батраками боги у тебя!
Иль мстителя меж вами нет, что сам
Лью в душу сплав насмешки и проклятья?
Ужель нет избранного, чтоб сорвать
Венец дельфийский с головы моей

И локоны мне срезать наголо,
Как духовидцу подобает. — О, боги!

Эмпедокл, Павзаний.

Эмпедокл.

О, силы всемогущие, что это!
Кто подослал тебя? Пришел свершить?
Ты исполнитель? Все тебе открою,
Когда не знаешь. Что ж! тогда суди
Виновного, Павзаний!.. О, забудь,
Кому был предан сердцем! Нет его!
Ступай, о милый юноша! твой взгляд,
Лицо твое мне опалает разум,
Будь то проклятье, будь благословенье,
Но от тебя — нет, не снести... Впрочем, как
знаешь!

Павзаний.

Что приключилось? Долго ждал тебя.
Так благодарен свету дня, что издали
Тебя увидел — и нахожу:
Растерзан ты от головы до пят.
Ты был один? Слова не донеслись,
Но слышу отзвук чуждой, гробовой.

Эмпедокл.

То голос мужа был. Превыше смертных
Он мнил себя: его избытком счастья
Природа добрая дарила.

Павзаний.

Быть,
Как ты, всему божественному в мире
Сопричастным — это ли избыток?

Эмпедокл.

Так говорил и я. Ты, добрый мой!
 Тогда еще то волшебство святое
 Не отошло от духа моего,
 Еще тогда они меня любили,
 Любили, они, гении вселенной,
 Меня проникновенного! — Людьями
 Не был любви обучен я. Уже давно,
 Томясь по всеживой, не находила
 Ее душа, — тогда к тебе повлекся,
 К тебе приник, как былие приникает,
 Припал доверчиво, так слепо,
 Так радостно к тебе навек:
 Ибо, для смертного познавье чистых —
труд!
 Тогда... Дух цвел во мне, как ты
цветешь.
 И я познал тебя — к тебе воззвал: живет!
 И то, как бродишь ты меж смертными,
 Когда сиянье юности небесным
 Перебегает бликом от тебя,
 Твоим расцвечивая духом всех,
 Так жизнь моя переливалась в песнь.
 Душа твоя была во мне и отдалось
 Открыто сердце, вот как ты, земле,
 Страдалице суровой. Часто в ночь
 Я клялся ей, в святую ночь, любить
 Тревожную бесстрашно, верно — в смерть
 И передумать темные загадки.
 Так смертью я скрепил союз с землей.
 И по иному роща зашумела,
 Звенели нежно горные ключи,
 И оевала тишина меня

Цветов пламенно-ласковым дыханьем.
О, радости твои, земля! Не так
Улыбчиво, как шлешь их слабосильному:
Во всем великолепии, богато,
Тепло, любовью и трудом вскормленными,
Меня ты одаряла ими. Часто,
Когда я на вершине гор сидел
И сам дивясь, священное блужданье
Всей жизни передумывал, игрой
Твоих преобразений потрясенный,
В предчувствии судьбы своей — —
Тогда, дышал эфир, и как тебе,
Мне эту грудь, пронзенную любовью.
Он исцелял дыханием — и в миг,
По волшебству, на темной глубине
Мои загадки разрешались.

Павзаний.

Счастливый!

Эмпедокл.

Я был им. О! Но выскажу ли я!
Найду ли звук, чтоб выразить брожение,
Круговращенье, волею гений
Всех сил твоих? С тобой, о, дивная,
Я был тогда, природа!
О, вызову ль в душе вновь те звуки
Твои, чтоб отзвук их в груди пустынной,
Глухой, где смерть, мне прозвучал былым.
Кто? Разве это я? О, жизнь! Так они звенели
Твои мелодии крылатые! Так и я
Внимал созвучью твоему, природа?
Ах, я покинутый! Не я ли жил
С этой землей священной, с этим светом

И с тобой, неразлучным души моей,
 О, эфир - отец! И со всеми, кто живет, кто
 дышит
 На вечно-пребывающем Олимпе?
 Да, я плачу! Я — изгнанник!
 Нет мне приставища — ах! и ты,
 И ты отторгнут от меня — не возражай!
 Там смерть любви, откуда бегут боги.
 Ты знаешь: оно так. Оставь! Покинь!
 Уж я не тот. И что ты мне! — Ничто.

Павзаний.

Все тот же ты. Остался тем, кем был.
 Дай высказать: мне не понять, зачем
 Уничжая, так уничтожаешь
 Ты сам себя! И думается, дремлет
 По временам душа твоя, когда
 Насытится, открывшись полно миру.
 Так и земля, любимая тобой,
 Порой в покой погружена глубокий,
 Но назовешь ли смертью тот покой?

Эмпедокл.

Как мил твой труд меня утешить, добрый.

Павзаний.

Неискушенного коришь насмешкой,
 И думаешь: я счастья твоего не пережил,
 Вздор горю: страдаешь ты — не я.
 Но я постиг тебя в твоих деяньях.
 Ты государству, хаосу стихий,
 Дал строй, дал смысл. Я дух, твой мир
 постиг
 В его могучести, когда, бывало,

Единым словом, — о, священ тот миг!
 Обогащал меня на годы жизнью —
 И новая прекрасная пора
 Открылась юноше. Что у оленя, —
 Когда вдали вдруг лесом зашумит
 И вспомнится о родине, так билось сердце
 И у меня, когда о древнем счастье
 Тех правремен ты говорил. Иль вот!
 Грядущего не ты ли начерпал
 Передо мной великие прямые,
 Как живописца уточненный глаз
 Проводит штрих — и целостна картина.
 Не ты ль людских судеб прозоритель? Где?
 Кому из смертных, как тебе, дано
 Познание сил природы, чтоб вершить
 Всевластно ими в тайном съединении?

Э м п е д о к л .

Довольно! Ты не знаешь; что ни слово,
 То жало в сердце, — так ты говоришь.

П а в з а н и й .

Всененависть — ужель исход досады?

Э м п е д о к л .

О чти, чего понять не в силах.

П а в з а н и й .

Зачем таишь? Загадку задаешь
 Страданьем? Верь! Нет мук мучительней!

Э м п е д о к л .

И нет мучительнее мук, Павзаний,
 Чем разгадать страдание. Ужели ты

Не видишь? Ах! Мне было бы милей
 Скрыть скорбь мою и скрыться от тебя.
 Не дай мне выговорить, о ты, девственная,
 Ты, ускользящая от грубого ума природы!
 Я пренебрег тобой, себя возвел,
 Высокомерный варвар, во владыки,
 Рассчитывал на вашу простоту,
 Вы, чистые! Вы, силы вечно юные!
 Меня вы пестовали, меня вскормили,
 Упоевая. Да, я познал ее,
 Природу-жизнь: могла ли для меня
 Она священной быть, как встарь? Богов
 Я допустил прислуживать и только.
 Один стал бог — и этот бог был я!
 Так высказала гордость. О, поверь!
 Мне б лучше не родиться!

Павзаний.

Как! и все?

Случайно вынаввшее слово «бог»,
 И ты пал духом сильный человек?

Эмпедокл.

Да, слово «бог». И пусть крушат меня
 Те боги так, как некогда любили.

Павзаний.

Другие так не говорят, как ты.

Эмпедокл.

Другие! Где им вынести.

Павзаний.

Ты прав,
Чудесный человек! Так глубоко
Любить и видеть вечный мир, как ты!
И гении его, и силы сил —
Никто не смог, не смел. И потому
Ты был один, кто вдруг дерзнул на слово,
И потому — так страшно вдруг сознал,
До ужаса! за гордый звук единый
Отторгнутошь от сердца всех богов,
И сам себя им отдаешь любовно
В жертву, о, Эмпедокл!

Эмпедокл.

Взгляни, что это?
Жрец Гермократ и с ним народ толпой,
И Кригий-архонт! Что им у меня?

Павзаний.

Они давно распыгивают, где ты.

Эмпедокл, Павзаний, Гермократ, Кригий,
агригентяне.

Гермократ.

Здесь человек! О нем вы говорите:
Живым вознесся дивный на Олимп.

Кригий.

И с виду грустен, подобно мертвым он.

Эмпедокл.

Злорадствуйте, жалкие! Вам весело,
 Когда страдает тот, пред кем склонялись.
 Вы сильного как легкую добычу
 Расцениваете, когда он слаб.
 Вас дразнит плод: упал на землю зрелым?
 Но говорю: он не для вас созрел.

1-й Агригентянин.

Что он несет?

Эмпедокл.

Уйдите! Вас прошу.
 Заботься всяк про свое — в мое же
 Ордой не вваливайтесь.

Гермоген.

Так! Но жрец
 К тебе имеет слово.

Эмпедокли.

Жрец!

О боги чистые! О вы, живые!
 Так этот льстец еще мне скорбь мою
 Отравит? Прочь! Тебя щадил я часто.
 Так справедливо — пощади меня.
 Иль ты забыл? тебе я в память врезал:
 Знаю, кто ты и все твое гадовье.
 И долго было мне загадочным,
 Как терпит вас природа у себя.
 Ах, еще в детстве сердце отвращалось
 Мое от вас, всеотравителей,
 Чтобы любовно-неподкупно льнуть

К эфиру, к солнцу и к иным послам
 Природы, будто где-то там далекой.
 Я чувствовал и это чувство — страх,
 Что вы любовь природную к богам
 Перевернете на поденщину,
 И закружу я ваше колесо.
 Так с глаз долой! Тот нестерпим! отврат!
 Кто обремесливает дар святой.
 Твой облик лжив, и холоден, и мертв,
 Как твои боги. Что вы обступили?
 Столбняк на вас! Ступайте же!

К р и т и й

Не прежде,
 Чем лоб тебе проклятье заклеянит,
 Кошунник.

Г е р м о к р а т

Полно. Успокойся, друг!
 Я говорил тебе: он в исступленьи
 Души впадет. — Меня поносит
 Сей человек, вы слышите, вы
 Агригента граждане! И не вступлю
 С ним в пререканье — жестких слов обмен,
 Как бесноватый! Не к лицу мне, старцу.
 Сами спросите: кто он?

Э м п е д о к л.

Будет вам!
 Вы видите, и в прок то никому!
 Мне раны сердца беречь. О дайте
 Моей тропой мне в тишине идти,
 Священной тихой тропой смерти.
 Когда бык - жертва отпряжен от плуга,

Ему бока стрекалом не язвят,
 Так пожалейте и меня! И не топчите
 Мое страданье топотаньем злоб.
 Оно священо. Душу мне увольте
 От ваших нужд. Я предаюсь богам.

1 - й А Г Р И Г Е Н Т Я Н И Н .

Да что за притча! Гермократ, зачем
 Он говорит так предиковинно?

2 - й А Г Р И Г Е Н Т Я Н И Н .

Нас гонит, будто нечисть мы иль что?

Г Е Р М О К Р А Т .

Вам невдомек? В нем помрачился разум,
 За то, что в бога сам себя возвел.
 Но вы не верите моим словам!
 Спросите у него. Сказать он должен!

3 - й А Г Р И Г Е Н Т Я Н И Н .

Как не поверить! Верим.

П А В З А Н И Й .

Верите?

Бесстыдные! — Юпитер ваш поник?
 Вам не по праву? что-то сумрачен?
 Кумир вам неудобен стал, помехой?
 И вы уж верите! — Вот он стоит
 Скорбя, в могиле духа. — Но придет
 Та скудная героями пора,
 И будут юноши по нем томиться,
 По безвозвратном — нет его!.. А вы?
 Вы ползаете, вы кругом шипите —
 Иль вам дозволено? И не пройдет,

Вас, туподумов, этот вещей взор?
 Он кроток, слаб — и обнагтели трусы,
 Накинулись. Священная природа,
 Как терпишь ты еще и эту гадь!
 Что смотрите? Иль оторопь взяла?
 Вам невдомек, как поступить со мной?
 Жреда спросите: он у вас всезнайка.

ГЕРМОКРАТ.

Вы слышите, как дерзко нас бранит,
 Меня и вас, молокосос в лицо?
 Ему ль не сметь, когда учитель смеет!
 Кто завладел народом, говорит,
 Как вздумается. Знать, я это знаю,
 И сам не льщусь наперекор богам,
 Раз боги свыше терпят. Много
 Терпят они, и копят, и молчат,
 Пока неистовством не кончат буйство.
 Тогда предел! И святотатец вмиг
 Стремглав туда в бездонность тартара.

3-й АГРИГЕНТИЯНИН.

Эй, граждане! Я с этими двумя
 Не знаюсь впредь. Да только в толк не
 Как это так нас этот обморочил? взять,

2-й АГРИГЕНТИЯНИН.

В изгнанье их, старшого и меньшого.

ГЕРМОКРАТ.

Так срок настал! — Взываю к вам, о боги
 кар!
 О боги мщенья! — Правит облаками Зевс,

И волны вод смиряет Посейдон.
Но вам, медлительно-скользящие,
Вам потаенное дано под власть...
И чуть родился своевольный, чуть
Он в колыбель — уже вы тут, уже
Пока он пышно мятежом цветет,
Вы тайнодумы — спутники ему,
Прокрались в грудь, и беззаботно вам
Врага богов болтунья предает.
Да, да, его! он вам давно знаком.
Лукавый соблазнитель, мороком
Народ он обошел. Страны законы
Ему забава. Даже богов — и тех,
Сонм древний и священный Агригента
И нас, жрецов, он никогда не чтит.
И не была утаена от вас,
Пока он молк, чудовищная мысль.
И он свершил! Безбожник! Иль ты мнил,
Чуть гласный взыв раздастся твой: я бог!
Они ликуя кинутся к тебе?
Тогда бы ты царил над Агригентом —
Его тиран, его единодержец,
Тогда твои, единственно твои —
Добрый народ и добрая страна.
Они молчали. Вдруг оторопели.
И бледен стал ты. Скрючило тебя.
От темной злобы в мрачном логове,
Куда заполз укрыть от дня лицо.
И вот ты здесь, и на меня в досаде
Погоком брань и на богов хула.

1-й АГРИГЕНТЯНИН.

Ну дело ясно! Смерть ему!

К р и т и й

А что!

Ведь я вам говорил. Не доверял
Сновидцу я.

Э м п е д о к л.

О, бесноватые!

Г е р м о к р а т.

Еще не смолк? не чаешь ты? Расторгнут
наш

Союз с тобою. Ты нам чужой отныне,
Отверженный среди живых навек.
И ключ, что нас поит — не для тебя,
Не для тебя и пламень, что нам впрок,
И все, что сердце смертным веселит,
То боги мщенья от тебя берут.
И чужд тебе лазури чистый свет
И эти травы и плоды земные.
И воздух не благословит тебя,
Когда прохлады грудь твоя возжаждет.
Напрасен труд! — тебе возврата нет
К тому, что наше. Ты принадлежишь
Карающим священным богам смерти.
Увы тому отныне, кто хотя б звук один
Душой открытой принял от тебя,
Кивнул тебе и руку протянул!
Кто в полдень даст тебе глоток, или кто
Тебя потерпит за своим столом.
И если в ночь ты постучишься в дверь,
Под кровлю тебе подарит сон.
И погребальным пламенем почтит,
Когда умрешь. — Увы, тому! — Так прочь!

Родные боги дольше не потерпят
На месте том, где храмы, святотатца.

АГРИГЕНТЯНИН.

Прочь! А не то на нас пятном проклятье!

П А В З А Н И Й.

Пойдем! Ты не один. С тобой идет,
Кто чтит тебя наперекор запрету.
Любимый, знай, благословенье друга
Сильнее, чем проклятие жреца.
О мы пойдем в далекий край! и там
Есть в небе солнце, и молитвь я буду,
Чтоб ласково тебе оно сияло.

У берегов

Итали, там в гордой Греции, там за морем
Зеленые и там холмы, и сень
Тебе платан предложит, и прохладой
Грудь странникам овеюг вегерки.
Но только истомленный зноем днѣ
Там у тропы затерянной присядешь,
Я этими руками зачерпну
Тебе воды из резвого ручья,
Я из ветвей тебе навес сплету.
Я мох и листья расстелю постелью,
Я сон твой буду сторожить. А там,
Коль рок судил, я и костер тебе
Воздвигну погребальный: — под запретом
Бесстыдных этих!

Эм п е д о к л.

О!.. О верный друг! — Молю
Не за себя вас, граждане! Я принял.
Но за него, за юношу молю.

Не отворачивайте от меня лица!
Не я ли тот, к кому любовно так
Сходились вы? О! сами даже рук
Не подавали мне: ведь не пристойно
На друга дикой ринуться ордой.
Зато вы слали мальчиков мне милых,
И на плечах ко мне несли малюток,
И на руках их поднимали вы —
Не я ли тот? Иль не узнали мужа?
Ему вы говорили: захоти он —
И нищими из края в край, с сумой
С ним побредете вы, и, будь возможно,
Вы в самый тартар спуститесь за ним.
О дети! Всем хотели одарить.
И безрассудно нудили меня
Брать то, чем жизнь крепка и весела.
Тогда и вас я одарял моим,
И дар мой был для вас ценней, чем
ваше.

И вот иду от вас. Не откажите
Мне в просьбе: юношу поберегите.
Он вам не делал зла. — Любит меня,
Как вы меня любили. О взгляните,
Как он хорош! Как благороден он!
Он нужен вам. Грядущее за ним.
Я говорил бывало: пали б ночь
И хлад на землю, и душа себя
Расключила б, не посылай порой
Ему подобных юношей нам боги,
Жизнь никнувшую в людях освежить.
Я говорил: — Благоговейте, вы
Пред гениями! О поберегите
Мне юношу! Не накликайте горя!
Клянитесь мне!

3-й Агригентянин.

Прочь! Слушать не хотим.

Гермократ.

С мальчишкой будь, как сам того хотел.
Да дерзость своеволия искупит.
С тобой идет. Твоим проклятьем проклят.

Эмпедокл.

Молчишь, о Критий! Не скрывай, удар
И по тебе. Ты знал его, не правда ль?
И реками б не смыть греха за кровь
Зверям. Прошу, скажи им, милый!
Они, что пьяные. Ты трезвым словом
Их успокой, верни народу разум.

2-й Агригентянин.

Еще бранится? Сам-то проклят, знай
И не болтай, иди! Не-то не долго
Нам на тебя и руки наложить

Критий.

Вот это так! Здорово сказано,
Граждане!

Эмпедокл.

Вот так! — Наложить
Готовы руки? Готовы
Мой труп осквернять при жизни моей?
Ну что ж! Терзайте, добычу делите, да
жрец
Благословит эту снедь? и присных —
гостей,

Богов мщения кличет на пир!.. Дрожишь?
 Ты, тварь! Ну да! Охотник меткий все ж
 Уцелил дичь — что ж не ликует он?
 О зрелище! Взгляни, как мерзок ты,
 Как рыщет глаз: попала ль в цель стрела?
 Иль ты забыл, глупец, кто я? И сам
 Нудишь меня воздать за козни казнью.
 При сединах твоей! Ты, человек,
 Ты прахом станешь! ибо говорю:
 Ты недостойн быть рабом у фурий.
 И он взял верх? Но велика ль задача
 Гнать дичь кровоточащую от ран?
 Я в скорби был. Он знал. И вот возрос
 Трус мужеством, чтоб на меня народ,
 Его клыки науськивать на сердце.
 Увы! Кто исцелит запятого! Кто

примет

Под кров изгнанника, скитальца
 От дома к дому, в рубцах его позора!

Этой

Роши богов он молит дать ему приют.
 Пойдем, мой сын! Они мне больно сделали.
 Я бы простил. Но за тебя? — Да будет
 Погибель вам, безыменным! Да будет
 Медлительною с вами смерть! Да вас
 Воронья песнь жреца сопровождает!
 И так как волки сбегаются туда, где

труны,

Пусть и для вас найдется волк,
 Пусть насыщается он кровью вашей,
 Сицилию от вас очистит.
 Да выжжет засуха страну! И там,
 Где пурпуровый стлался виноград,
 Где в темной роще золотился плод

И пышный злак в дар лучшему народу, — —
 О некогда, ступив на мусор храмов,
 Вопросом озадачит чужестранца:
 «Здесь город был?» Ступайте. Никогда
 Вам не видать меня.

В то время как толпа отходит.

Критий! вернись!
 С тобой хотел бы перемолвиться.

Павзаний

(после того, как Критий возвращается).

Позволь, пока мне к старику пойти,
 К отцу, проститься.

Эмнедокл.

О зачем? Что мог
 Вам, боги, сделать юноша! Иди,
 Бедняга. На дороге к Сиракузам.
 Я жду тебя. А дальше путь вдвоем.

Павзаний уходит в противоположную сторону.

Эмнедокл, Критий

Критий

Ну что?

Эмнедокл

И ты преследуешь меня?

Критий.

Я тут при чем?

Эмпедокл.

Я знаю; ненавиждь
Ты б рад меня, да ненависти нет.
Боисься, вот!—но и боязнь напрасна.

Критий.

То все в былом. Ну что еще?

Эмпедокл.

Ты сам
Мне козней не настроил. Жрец тебя
Втянул насильно. Ты не угрыжайся.
О если бы замолвил за него
Хотя бы слово! Но... тебя народ смушал.

Критий.

И это все? И больше нечего
Тебе сказать? Болтливостью чрезмерной
Ты отличался издавна.

Эмпедокл.

О друг,
Не будь так крут, я дочь тебе вернул.

Критий.

Ну что ж, вернул.

Эмпедокл.

Ты оцетинился.
Ты говорить стыдишься, ибо проклят я.
Оно понятно. Думай, то не я,
То тень моя с тобою говорит. С почетом
Она вернулась из страны блаженных.

Критий.

Я б не пришел к тебе на зов, когда
Народ не пожелал бы знать,
Что скажешь нового?

Эмпедокл.

Что я скажу,
Касается тебя, но не народа.

Критий.

Что ж это?

Эмпедокл.

Знай! Тебе покинуть надо
Эту страну. Так говорю тебе
Я ради дочери твоей.

Критий.

Пустое!
Заботься о себе, а о других
Оставь заботу. Дальше что?

Эмпедокл.

Иль не
Проник ее? И в разум не возьмешь,
Что лучше городу глупцов погибнуть,
Чем одному творенью совершенства.

Критий.

Ей плохо чем в стране родной? Иль
Где нет тебя, там и добру не быть.
мнись,

Э м п е д о к л.

Иль не проник ее? И как слепец
Лишь ощупью к тому, что боги дали
Дотягиваешься? И тщетно светит
В доме твоём тебе тот дивный свет?
Так говорю тебе: в этой стране
Благая жизнь покоя не найдет,
Как ни прекрасна, одинокой будет
И здесь умрет безрадостно.—Нет, никогда
Суровое дитя богов
Не примет сердцем варваров! Поверь!
Правдива речь мир покидающих,
И вдумайся в совет и передумай.

К р и т и й.

Что мне сказать?

Э м п е д о к л.

С ней уходи туда,
В священный край Элиду или Делос.
Где те живут, кто мил ее душе.
Где в тишине лавровых рощ героев
Спит в изваяньях сонм. Там сердцу мир.
Там у безмолвных идиолов она
Вкус усладит нежно-чувствительный
И тонкий. Близ теней высоких там
Уснет печаль, лелеемая ею
Года в груди. Когда ж в день празднества,
Там соборим Элады молодежь,
Там на привет приветом чужеземцы,
И в переливах упований там,
Как облак золотой играя, жизнь
Над грустью сердца вспыхнет ореолом —

Тогда ее, печальницу, пробудит
 Для ликованья новая заря.
 И одного из славных, кто венком
 И песней был увенчан, изберег
 Она, чтоб от теней ее увлек,
 В чей мир она так рано вовлеклась.
 По нраву речь моя, так следуй. —

К р и т и й.

Сколь ты богат словами золотыми
 В твоей доле!

Э м п е д о к л.

Насмехаться брось!
 Мир покидающие — все юнеют
 Охотно вновь. То света взблеск пред-
 смертный.
 Он радостно всей мощью просиял
 Меж вас в былом. Померкни ж ласково.
 И если вас я проклинал — да будь
 Твое дитя благословенно, друг,
 Когда благословлять еще дано.

К р и т и й.

О будет! и не делай из меня
 Ребенка малого.

Э м п е д о к л.

Мне обещай,
 И мой совет исполни, как сказал.
 Страну покинь. А мнишь наперекор —
 Да молит одинокая орла
 Прочь от холопов унести ее
 В эфира высь. Я лучшего не знаю.

Критий.

Иль были мы к тебе несправедливы?

Эмпедокл.

Что спрашивать? Тебе я все простил.
Ты следуешь совету?

Критий

Трудно так

Решаться на спех.

Эмпедокл.

Да решай умно!

Пусть не бытует там, где гибель ждет.
И ей скажи: не заывала б мужа,
Богов любимца некогда. — Что скажешь?

Критий.

Как просишь ты! Скажу. Иди теперь
Своей дорогой, бедняга.

(Уходит.)

Эмпедокл.

Да.

О я пойду моей дорогой, Критий.
Куда? Я знаю. Стыд мне! Мешкал я
И сам довел судьбу до крайности.
К чему мне было ждать так долго?
Вот юность, дух и счастье отошли.
Грядущее — безумства, беды...
А голос был, предупреждал тебя.
Не раз, не раз! О как прекрасно было б...
И вот он гонит в смерть.

О смолкни! Боги добрые! Всегда
 Нетерпеливое перегоняет слово
 Смертных шаг и не дает дозреть
 Удаче. Да, иное миновало.
 Уж легче мне. Что, старый дуралей,
 Что прилепился к миру! — Некогда
 Бездумно тихим мальчиком играл
 Он на своей земле зеленой —
 Свободней был, чем стал. Простись! Увы!
 Даже домишка, где вскормлен, где рос,
 Не оставляют мне! — и это боги!

Эмпедокл, три раба Эмпедокла.

1 - й раб

Уходишь, господин?

Эмпедокл.

Да, милый, мне пора!..
 Ты только сумку подорожную
 Кой с чем возьми, но не перегружай.
 И вынеси на улицу, пожалуй,
 Твоя последняя услуга.

2 - й раб.

Боги!

Эмпедокл.

Охотно мне служили вы, привыкли,
 С юности ранней в этом доме отчем,
 Доме моем, росли мы годы вместе.
 И чужд был сердцу моему всегда
 Властительно-холодный окрик.

Судьбу рабов не чувствовали вы,
И верю я: охотно вы за мной
Последуете. Но не потерплю,
Чтоб вас жреца проклятье ужаснуло.
Оно не тайна. Что ж! Распахнут мир
Пред вами, предо мной, о милые!
Ищи всяк свое счастье.

3-й РАБ.

Нет!

Мы не покинем. О! Не в силах мы!

2-й РАБ.

Где знать жрецу, как ты нам дорог, люб.
Запрет другим — для нас он не запрет.

1-й РАБ.

Раз мы твои, то при себе оставь.
Не день, не два, что мы с тобой живем.
Ты это знаешь. Сам же говорил.

Эмпедокл.

О боги! Я бездетен. Я живу
Так одиноко с этими тремя
И вот прикован к этому уюту,
Как будто сплю и как во сне, борюсь.
Прочь! Выхода иного нет. Друзья,
Ни слова больше! милые! Прошу,
Займемся делом, словно мы — не мы.
Я не стерплю, чтоб этот человек
Мне проклял всех, кто только меня любит —
Со мной вы не пойдете — говорю.
В дом! Выбирайте, что там поценней
И живо, чур! не мешкать и бежать.

Не то войдет в дом новый господин,
И всем вам рабствовать под трусом.

2-й РАБ.

Нас жестким словом отсылаешь прочь?

Э м п е д о к л.

Ради тебя, ради себя — свободны вы!
Борите с мужней силой жизнь. Да вас
Утешат боги почестями. В жизнь
Вам лишь вступать. То вверх, то вниз
Сникают, выникают люди. Так
Не мешкайте! И делать, что сказал.

1-й РАБ.

Души моей владыка! О живи
И не сникай!

3-й РАБ.

Скажи, иль никогда.
Нам не увидеться?

Э м п е д о к л.

Не спрашивайте.
Тщетно.

(Властный жест).

2-й РАБ (уходя).

Он себе верен!
Ах! нищим будет он пересекать
Поля, подстерегаемый кругом враждой!

Э м п е д о к л (безмолвно смотрит им вслед).

Прощайте! Вас

Я гордо отослал. Друзья, прощайте!
И ты, мой отчий дом, где я возрос,
где цвет!

И вы, о дерева мои! Под ликованье
Друга богов покойся в мире ты,
Подруга мира моего. О пусть
Умрут, жизнь веяньем вернуть! Не то
внимай

Под вашей сенью шуточкам толпы.
И где блаженствовал, там вслед мне
насмешка.

Увы! Я изгнан, о боги! От вас ли
Мне эту казнь, небесные! бездушно
Тот жрец, незванный, перенял? И я
Покинут, я, хулитель, вами, други!
И этот из отчизны гонит прочь...
И проклят я! Что на себя навлек я сам.
Так жалко звучит вновь из глотки черни.
Ах! кто съединенно с вами жил, благие,
Кто мир ликуя называл своим,
Не знает он, где преклонить главу,
И сам в себе покоя не найдет.
Куда бы мне! Вы, тропы смертных всех! Вас
Тьмы кругом. Где же моя тропа?

Кратчайшая?

Быстрейшая? Ибо медлить позор.
Ах, мои боги! По стадиону я раз колесницей
Правил без страха при вспыхнувшей
спиде. Так вновь,
Хотел бы к вам скорей, пускай
торопливость опасна.

Пантея, Делия.

Делия.

О тише, милая!
И плач сдержи! Не то услышит кто.
Я в дом проникну. Вдруг он там внутри,
И ты еще раз взглянешь на него.
Но только тише, друг мой—можно мне
Войти?

Пантея.

О сделай это, Делия!
А я скреплюсь пока, чтоб сердцем мне
Не изойти, чуть я высокого
Увижу мужа в горький час судьбы.

Делия.

О, Пантея!

Пантея (одна, после безмолвствования).

Ах! Не могу!—да и
Грешно спокойной быть сейчас!
Он проклят? Он? О чувствую, меня
Ты обезумишь, черная загадка!
Что случилось с ним?

(Пауза. Испуганно к Делии, которая снова возвращается.)

Ну, что?

Делия.

Ах! Все мертво!

Пантея.

И пусто? Нет?

Д е л и я.

Боюсь, что так. Открыты
Все двери. Никого. Зову. Лишь эхо
По дому покатою. И дольше там
Мне не под силу было медлить.— Ах!
Нема и так бледна и чуждо так
Глядит, бедняжка. Не узнаешь меня?
Я разделю с тобою скорбь, родная!

П а н т е я.

Да идем же!

Д е л и я.

Куда?

П а н т е я.

Куда? ах! я
Сама не знаю, боги добрые!
Увы! Надежды нет! И ты напрасно
Там надо мной сияешь, солнце. Нет
Его. И как же одинокой знать,
Зачем глаза ее лучатся миру?
Нет! Не поверю! Нет! Кто б мог!
Кто б смел дерзнуть! Чудовищная
мысль! И все ж
Дерзнули вы?
И надо жить и надо
При них безмолвной быть? Увы! и плакать
Ах! Только горько плакать доля мне.

Д е л и я.

О плачь! О плачь, любимая! — Больше
Молчать иль говорить.

ПАНТЕЯ.

О, Делия!
 Здесь он гулял. И был так дорог, мил
 Из-за него мне сад. И ах! порой,
 Когда скудела в сердце жизнь, и я
 Той нелюдимкой окрест по холмам
 Блуждала в грусти меж чужих, — на них
 Оглядывалась, на верхушки эти
 И думала: там все же есть один.
 И им сильна душою воздвигалась
 Увы!

Делия.

Да, пал великий человек,

ПАНТЕЯ.

Ах! вековой я весны желала,
 О глупая! и саду, и ему.

Делия.

И не могли ту хрупкую отраду
 Оставить ей, вы, боги добрые?

ПАНТЕЯ.

Так думаешь? Ты это говоришь?
 Взошел он солнцем новым нам
 И влек лучась невызревшую жизнь
 К себе по золотым канатам ввысь.
 Его давно Сицилия ждала,
 И никогда на этом острове
 Смертный, ему подобный, власть не брал.
 И знали те, что в съединеньи он
 Живет со всеми гениями мира.

Восторженный! И ты их заключил
 В объятия? всех? Увы! Теперь скитайся
 Из края в край, влача позор и яд
 В груди — тебе их дар в дорогу. —

О, вы, цветы

Небес! Пышные звезды! Так и вы
 Все отцветаете? И что же, ночь твою
 Обнимет душу, о отец-эфир!
 Чуть юноши блистающие там
 Померкнут пред тобой? Я знаю: рок
 Божественному пасть. Пророчицей
 Я над его падением восстала,
 И где мне дивный гений встретится —
 Он именуется: человек иль бог,
 Я знаю час, который не по нем.
 То вы свершили. О, не дайте мне
 О, судьи мудрые, избежать кары:
 Я чту его — и коль не знаете —
 Я вам в лицо, чтоб знали, выскажу.
 Гоните и меня из града вон.
 И проклял он, неистовый отец,
 Его — да проклянет он и меня.

Д е л и я.

Пантея, страшно мне, когда так страстно
 Ты свирепеешь жалобой. И он
 Таков, как ты, чтоб гордый дух питать
 Страдавием, ожесточаясь в скорби?
 Не верится тому, чего боюсь.
 Что бы подумал он?

П а н т е я.

Пугаешь ты

Меня! Да что же я сказала Впредь?

Там грубый харч ему подаст хозяин,
Чтоб подкрепился и передохнул.
Так он живет! Увы! Живет ли он?

Д е л и я.

О, как ужасно, Пантея!

П а н т е я.

Ужасно?

О, утешительница! Может статься
Вот, вот они сюда придут и скажут
Так, меж собой, чуть речь о том зайдет,
Что он лежит убитым на дороге.
Боги попустят, ведь молчали
Они тогда, когда его со срамом
Вон из отчизны гнали на недолю.
О друг! — Как кончишь ты? Уж на земле
Устало борешься, орел мой, гордый!
И означаешь кровью путь, и вот
Уже настиг тебя ловец трусливый,
И об скалу с размаху головой — —
И вы его любимцем Зевса звали?

Д е л и я.

Ах, ненаглядная! Не надо так!
Не надо слов таких! Когда б ты знала,
Как за тебя тревог полна. Молить
Тебя готова на коленях, только б
Утихла ты. Так прочь от этих мест!
Быть могут перемены, Пантея!
Народ на покаянье скор. Они,
Ты вспомни, как его любили. Так идем.

С твоим отцом поговорю, а ты
Мне помогай. Вдруг есть ему спасенье!

П а н т я .

О, да! О, мы спасем его. О, боги!

Прежние, крестьянин.

Крестьянин.

Чего вам? Книзу катится дорога.

Павзаний.

Приют нам дай. И не пугайся, друг,
Отрепьев наших, ибо труден путь,
И часто будит недоверие
Страдальца вид. Но, да подскажут боги
Тебе, мой друг, какой мы крови.

Крестьянин.

Да.

Знавали вы и времена получше.
Оно видать. Что ж, недалеко тут
До города. Там, верно, есть у вас
Кунак-приятель. Лучше у него,
Чем у чужого, поискать приюта.

Павзаний.

Ах! устыдится нас гостеприимец,
Когда к нему нас приведет беда.
Но и чужой попотчует не даром
Немногим, что мы просим у него.

Крестьянин.

Откуда вы?

Павзаний.

Что пользы знать откуда.
Мы платим золотом — а ты нас потчуй.

КРЕСТЬЯНИН.

Для золота иная настежь дверь,
Да не моя.

ПАВЗАНИЙ.

Ты это что! Подай
Нам хлеба и вина — и требуй платы.

КРЕСТЬЯНИН.

Найдете вы в ином месте получше.

ПАВЗАНИЙ.

О, это зло! Но ты не дашь ли мне
Хоть лоскута, чтоб обвязать я мог
Им ноги спутнику. О, как они
Кровоточат от каменистых троп.
Вглядись в него. Сицилии добрый дух
Перед тобой. Он больше, чем князья
те ваши.

И вот стоит он бледен, изможден
И нищенствуя, хлеба и прохлады
Под кровлей молит хатицы твоей.
Ужель откажешь? Бросишь у порога
Усталого от жажды и пути,
В такой палящий день, когда и дичь
Зной загоняет в норы дошлую.

КРЕСТЬЯНИН.

Я знаю вас. Беда мне! То проклятый
Из Агригента. Вот так и почувял.
Прочь, вы!

П а в з а н и й.

О, громодержец! Прочь? о, нет! —

Он мне

Порукой будет за тебя, ты мученик!
 Пока пойду где нищи раздобыть,
 Под этим деревом отдыхай. — А ты,
 Ты помни! Чуть случится с ним беда,
 Кто бы ни был виноват, я в ночь явлюсь,
 И охнуть не успеешь, как до тла
 Сожгу твою соломенную хату.
 Ты это взвесь!

Крестьянин уходит.

Э м н е д о к л., П а в з а н и й.

Э м н е д о к л.

Не тревожься, сын.

П а в з а н и й.

Ну можно ль так! Забота о тебе
 Мне дорога. А этот думает,
 Что человеку нечего терять,
 Когда над ним такое слово виснет.
 И долго ль им, хотя бы плаща ради
 По хищной прихоти, убить его.
 Ведь бесит их: ну что за непорядок!
 Еще живым он бродит меж живых.
 Иль ты не знаешь этого?

Э м н е д о к л.

О, знаю!

П а в з а н и й.

С улыбкой говоришь мне, Эмпедокл?

Э м п е д о к л.

Мой верный друг, тебе я больно сделал.
Я не хотел.

П а в з а н и й.

Ах, так нетерпелив я!

Э м п е д о к л.

Не беспокойся, милый, обо мне.
Скоро минует все.

П а в з а н и й.

Ты говоришь?

Э м п е д о к л.

Увидишь.

П а в з а н и й.

Как по-твоему: пойти
Мне в поле пищи раздобыть какой.
А нужды нет, останусь здесь. Не го
Пойдем вдвоем, убежище в горах
Поищем прежде.

Э м п е д о к л.

Взгляни, вот на лугу
Сверкает близко ключ. Он тоже наш.
Ты твой сосуд, ту тыкву, захвати,
Чтобы питье мне душу освежило.

П а в з а н и й (у ключа).

Чиста струя, прозрачно-холодна,
Проворно бьет из впадины, отец.

Э м п е д о к л.

Сперва пей ты. А там черпни и мис.

П а в з а н и й (подавая ему).

Прими дар богов.

Э м п е д о к л.

Пью, славлю вас,
О, благосклонные! О, мои боги!
И мой возврат, природа! По-инному
Уже все видится, о, добрые!
Едва ступил, уже вы впереди,
и расцвело,
Едва успело вызреть. Смолкни, сын!
Прощу тебя, ни слова о былом.

П а в з а н и й.

Ты весь преобразен. — Сверкает взор,
Как если б победил. Мне не понять.

Э м п е д о к л.

Что юноши, мы проведем наш день
Вдвоем. О многом переговорим.
Не труд найти здесь ласковую тень,
Где без тревог два друга закадычных
Любовно перемолвиться могли б.
Возлюбленный. Не мы ль к мгновению,
Что дети к виноградине, припав,
Бывало, сердцем насыщались?

Не ты ль сюда сопровождал меня,
Чтоб ни один свободный час у нас,
И этот не скользил неразделенным?
Пусть ты не мало за него платил,
Но разве даром, что дадут нам боги.

П а в з а н и й.

О, выскажи мне все, чтоб я, как ты,
Был радостен.

Э м п е д о к л.

Ужель не видишь!
Вновь близится прекрасная пора
Жизни моей, и я великое
Зрю впереди. Туда, о, сын, к вершине
Священной, древней Эины путь лежит.
Ибо явнее боги на высотах.
Оттуда вновь я этими глазами
Окину реки, море, острова.
Да медлящий над золотом потоков
Меня благословит к разлуке свет,
О, дивноюный! первая моя
Любовь. Тогда, переливаясь блеском,
Безмолвно вечное светило надо мной,
А жар земли меж тем из горных бездн
Дыханием, и нежностью касанья дух,
Вседвижущий льнет к нам тогда.

П а в з а н и й.

Пугаешь.

Ты как-то непонятен мне сейчас.
Твой весел взор, так чудно говоришь,
Но мне бы лучше, если б ты молчал.
Ах, жжет тебя в груди позор обид,

И ни во что ты ставишь сам себя —
И так высок.

Эмпедокл.

О, боги! Как! и он
Не даст покоя мне и бранной речью
Взволнует сердце. Это цель твоя?
Тогда уйди, во имя неба! — Ныне ли час
Словами перемалывать без толку,
Что я терплю и что за человек.
Дань отдана, — и знать я не хочу.
Прочь! то не боль, что, как дитя, лежит
У скорбнорадостной груди, и мы
Ее с улыбкой кормим — кобры то,
Ехидн укусы в сердце мне впились.
И гибелью свирепствуют в крови.
О, я не первый, кому боги шлют
На сердце ядовитых мстителей.
И по заслугам мне.
Нет, бедный мальчик, я тебе прощаю,
Что ты не в час напомнил: у тебя
Все жрец перед глазами, а в ушах
Все отдается черни крик глумливый,
Той братской нении, что нас двоих
Из города так мило провожала.
Стыд! Боги мне свидетели! Они,
Нет, не дерзнули бы, еще былым
Я будь. О, как позорно предал тот,
Единый день из дней моих, меня
Вот этим трусам. Смолкни! Вниз! На дно!
Пусть погребенным будет глубоко,
Так глубоко, как ни единый смертный
Из смертных не был погребен!

Павзаний.

Ах! Ясный мир его души, тот дивный,
Я замутил и сам томлюсь теперь
Еще сильней тревогой.

Эмпедокл.

Брось, не сетуй,
И дальше не мути. Со временем
Все будет ладно. Скоро примирюсь
С богами и со смертными. — О, больше!
Я примирен уже.

Павзаний.

Возможно ль? ты?
Иль исцелен твой помраченный дух?
И мнишь, что ты не одинок и нищ?
О, муж мечты! И вновь дела людей
Чисты тебе, как пламень очага?
И оправдалось то, чему учил?
О, если так, благословен тот ключ,
Что к новой жизни воскресил тебя.
Мы завтра к морю весело сойдем,
Нас вынесет оно на верный брег.
И труд пути нам нипочем,
И страх, и перепитья бед,
Когда так ясен дух и его боги.

Эмпедокл.

Павзаний! Вот ты истину забыл.
Ничто нам, смертным, даром не дается.
Одно спасает. О, смелый юноша!
Ты не бледней. Взгляни. — Что мне было
счастье,

То неизмысленное, возвращает,
 Мне блекнушему, с юностью богов —
 Щека румянится, право, не дурно:
 Иди, сын... Выдать не хотел бы я
 Так до конца мой помысел и радость.
 Не для тебя оно — и не тянись,
 Оставь уж мне, как я тебе свое.
 Что там?

Павзаний.

Толпа народу. Вверх по склону
 Идут сюда.

Эмпедокл.

Их узнаешь!

Павзаний.

Глазам

Не верю.

Эмпедокл.

Как! Еще недоставало
 Впасть в бешенство! Как! Мраком скорби,
 Всею яростью души низринуться
 Туда на дно, куда хотел я с миром?
 То агригентяне.

Павзаний.

Что за напасть!

Эмпедокл.

Пль грежу я! Мой доблестный

противник —

Со свитой жрец. — О, фуй! Какая гнусь.

Вступать в борьбу, когда я раны множил.
 И не нашлось поблагородней сил
 Против меня... Отврат! Мне препираться
 С презренными — еще раз! В этот мой
 Священный час! Увы! В тот миг, когда
 Уже душа настраивает струны
 На всепрощающий природы лад —
 И вдруг напором банда на меня,
 Чтобы ворваться воем бесноватых
 В песнь лебединую мою! Сюда!
 Ко мне! Я отобью охоту! Сыт!
 Будет с меня щадить дрянную чернь
 И опекать фальшивое отресь.
 Еще мне все не можете простить,
 Что я добро вам делал? Впредь не стану.
 Придите, твари! Что ж! раз быть тому,
 То я могу к богам и в гнев...

Павзаний.

О!

Чем оно кончится.

Прежние, Гермократ, Критий, народ.

Гермократ.

Страх отбрось,

И не пугайся голосов сограждан.
 Тебя изгнавшие — тебя прощают.

Эммедокл.

О, нагле! И только так смогли?
 О, распахните же глаза, взгляните,
 Что вы за гады. Да от горя вам

Отсох язык поганый, скоморошный.
 Хотя бы покраснели, жалкие!
 О, твари, вы! Природа, сострадая
 Ничтожному, оставила бесстыдство,
 Чтоб пред большим он навзничь не унал,
 Не то — как устоять ему пред бдльшим.

ГЕРМОКРАТ.

Что преступил, то ты же искупил.
 След злополучья на лице твоём.
 Будь здрав отныне, возвращайся к нам:
 Добрый народ дарит тебя отчизной.

ЭМПЕДОКЛ.

Не шутишь? Нет? О, что за счастье мне
 Приносит мировестник! День за днем
 Кошмарнейший из танцев наблюдать,
 Как скачете, кривляетесь, снуете
 Туда, сюда—ваш блуд, ваш бред, ваш
 страх,
 Теней непогребенных карусель
 В переполохах жалкой толчеи
 Тьмы ваших бед, отринутые небом!
 И гаерство фигляров нищеты, —
 Стоять к ним близко! Право, стоит чести.
 А-а! Не знай я лучшего, я предпочел бы
 Жить бессловесным, чуждым с дичью горной
 Под зноем и дождем, делить добычу
 Со зверем, чем в пустыню слепоты
 Вернуться к вам, отверженным.

ГЕРМОКРАТ.

Вот как
 Ты нас благодаришь!

ЭМПЕДОКЛ.

О, повтори!

И если в силах ты, взгляни на свет
Всевидящий над нами. Вирочем,
Луч Гелия, что молния льстецу.

Вдали зачем

Ты не остался там и дерзко так
Мне на глаза предстал, чтоб вынудить
Еще последнее из слов моих
В проводники себе до Ахерона?
Знаешь, что сделал ты, что я тебе?
Угрозой был. И долго страх вязал
Руки тебе, и долго, злобствуя,
В тех узах изнывала твоя злоба
Под стражей духа моего. Воистину,
Сильней чем хлад и глад, ничтожного
Высокое терзает. И не мог
Ты успокоиться? И на меня
Огважился напасть, чудовище!
И думал: я тебе подобен буду,
Чуть ты лицо своим бесчестьем
Мне перемажешь? Да, скажу, была
То мысль нелепейшая, человек.
И если б мог ты мне свой яд подать
В питье, то и тогда мой дух с тобой
Нет, не спаруется. Он с кровью той,
Что осквернил ты, выплеснет тебя.
Все тщетно. Мне с тобой не по пути.
Умрешь обычной смертью ты, как все,
С бездушием раба. Мне жребий дан
Пной. Тропу иную некогда,
О, боги, вы преуказали мне,
Склонившись над моею колыбелью.

Иль непонятно? Что ж! есть смысл и
 в том,
 Чтоб раз, другой всезнающий дивился.
 С тобой покончено. Не дотянуться
 Козням твоим до радости моей.
 И это тебе больше, чем понятно.

Гермократ.

Нет, не понять мне бесноватого.

Критий.

Ну, будет, Гермократ! ты только гнев
 У тяжело оскорбленного исторгнешь.

Павзаний.

Что тащите холодного жреца
 С собой, глупцы, коль ваш приход к добру?
 И пустодуха, чуждого любви,
 Еще избрали примирителем.
 На распрю, смерть, как семя, брошен
 в жизнь.

И он, и сродные, но не для мира.
 Вам явно это? если б вняли вы
 Тому года, тогда бы в Агригенте
 Иное не свершилось никогда.
 Не мало за тобою, Гермократ,
 Тьмы темных дел:

(Темнеет).

Там отпугнул восторг
 От смертного, там в самой колыбели
 В младенце ты героя задушил,
 И как цветы лугов, так под косою
 Твоей цвет юности могучий ник.
 Иному был свидетелем я сам.

Ниое слышал. — Срок прейти народу,
 И шлют из ада фурии того,
 Кто б, перекрыв злодейство, ловким ходом.
 Могучих жизнью мог переводить.
 Вот, наконец, в искусстве умудренный
 Злодей - святоша мужа подстерег
 И ужалось ему, хоть сердце вон!
 Пал богоравный под ничтожным.
 Мой Эмпедокл! — Ты путь избрал, иди
 Твоим путем. Не мне мешать, пускай
 От ужаса на месте леденею.
 Но этого вредителя, тебе
 Он жизнь бесчестил, разыщу, когда
 Тобой покинут буду — разыщу
 Укройся в алтаре он, не спасет!
 Я рок ему! Его стихию знаю —
 В болото, в топь его поволоку,
 Пусть молит, охает, его седины
 Я и щажу, как он щадил других,
 В болото!

(К Гермократу.)

Слышишь ты! Я в слове тверд.

1-й АГРИГЕНТЯНИН

Чего тут ждать. Павзаний? Раз и все...

ГЕРМОКРАТ.

Сограждане!

2-й АГРИГЕНТЯНИН.

Ты голос подаешь?

Еще не смолк? Ты сделал нас дурными.

Нам здравый смысл заговорил. Любовь

Ту полубога выкрал ты у нас.

Уж он не тот. Нас знать не хочет. Ах!

Бывало, прежде ласково глядел
 Муж царственный. И вот мне взгляд его
 Всю душу выворачивает.

3-й АГРИГЕНТЯНИН.

Горе!

Как праотцы сатурновых времен
 Так жили мы, когда великий был,
 Как друг, меж нас. И что ни день, то
 И чаша полная. Что ж ты навлек
 Проклятие на нас забываемое
 Уст его. Ах! он не мог иначе!
 И возмужав, нам скажут сыновья:
 Убийцы вы посланника богов.

2-й АГРИГЕНТЯНИН.

Он плачет. — О, милей и ближе он
 Душе моей, чем прежде был. Ты все
 Мутишь против него. И вот стоишь,
 Как бы ослеп. И как ты ниц пред ним
 Не упадешь. Так на колени, тварь!

1-й АГРИГЕНТЯНИН.

Иль ты все корчишь идола? И рад
 Морочить дальше? Наземь! говорю,
 Чтоб под ногой закорчился моей,
 Топтать! топтать! пока не прохрипишь
 Что, наконец, до таргара долгался.

3-й АГРИГЕНТЯНИН.

Знаешь, что сделал ты? Тебе бы лучше
 Храм обокрасть, чем это святотатство.
 Он, праведник. Ему молились мы,

С ним были б мы свободными, что боги.
 И вдруг нежданно налетел чумой
 Злой дух на нас, пронесся и не стало
 Ни слов, ни сердца, ни отрад былых,
 Его даров, в пьяновороте дел.
 О, стыд! Позор! Что бесноватые
 Злорадствовали мы, когда до смерти
 Ты поносил возлюбленного мужа.
 О святотатство! И умри ты семь раз,
 Что сделал нам, ему — не изменить.

Эмпедокл.

Светило дня склоняется к закату.
 Ночь близится. Мне, дети, в путь пора.
 И ну его. Уж слишком долго спор
 Наш длится. Что свершилось, то пройдет,
 Как все. И впрямь оставим мы в покое
 Друг друга.

Павзаний.

Как, иль безразлично все?

3-й агригентянин.

О, полюби нас вновь!

2-й агригентянин.

Приди, вернись
 К нам в Агригент. Мне римлянин один
 Сказал: чрез Нуму возвеличились
 Они. Приди же к нам, божественный!
 Будь Нумой нам. Уже давно в цари
 Тебя надумали. О, будь им! Будь!
 Приветствую тебя, — так волят все.

Эмпедокл.

Не время ныне избирать царей.

Граждане (оторопев).

О кто ты, человек!

Павзаний.

Так отвергают

Короны, граждане.

1-й Агригентянин.

Но смутно нам.

То сказанное слово, Эмпедокл.

Эмпедокл.

Иль сроку нет орлу кормить орлят
В гнезде? Он о слепых заботы полн.
И под его крылами сладко спят
Неоперенные на утре жизни.
Но чуть прозрев, увидят солнца свет,
Чуть отрастут их крепнувшие крылья,
Их выбросит из колыбели он.
Да собственный начнут полет. А вы?
Стыдитесь вы! Себе царя хотеть?
Вы стары для царей. Во времена
Отцов пошло б не так. И не помочь вам,
Когда в себе вы помощь не найдете.

Критий.

Прости, во имя неба. О, клянусь!
Ты, преданный! Большой ты человек.

Эмпедокл.

Недобрый день нас, архонт, разлучил.

2-й АГРИГЕНТИНИН.

Прости нам и пойдем. Ведь все-таки
Родное солнце светит ласковей,
Чем на чужбине. Венценосца власть
Тебе природную отверг. Ну, что ж!
Иные есть почетные дары.
Есть для венков зеленая листва,
Есть имена красивые, для статуй
Есть недрахлеющая медь. Приди,
И будут юноши, те чистые,
Не оскорбившие тебя ни разу,
Служить тебе — только живи вблизи.
И мы роптать не будем, если ты
Нас отдалишь... Один в твоих садах,
Пока забвенье медлит над обидой.

ЭМПЕДОКЛ.

Еще раз! да! Моей отчизны свет!
Ты мне родной! И вы, сады, где юн,
Где счастлив был! И вас ли помянуть,
О, дни почета, славы, когда чист,
Не уязвлен я жил с моим народом.
Мы примирились, добрые мои! —
Расстанемся. Лучше не видеть вам
В лицо того, кого бесчестили.
Тогда любовью вспомнится о муже,
Любимом некогда, и миг безумья
Не омрачит ваш мигохмурный ум.
Он будет жить, мой образ, вечно юным
Для вас, друзья. И зазвучит, когда
Вдали от вас я буду, полнозвучней
Песнь ликований, как обетовали.
Приди, разлука, прежде чем года

И зло разлучат нас. Нам подан знак,
 И не теряет образ свой, кто во время
 Час расставанья вольно сам избрал.

3-й АГРИГЕНТЯНИИ.

Педоуменных покидаешь нас?

ЭМПЕДОКЛ.

Венец, о, мужи, протянули вы,
 Примите же мою святыню в дар.
 Ее берег я долго. По ночам,
 Когда безбрежный открывался мир
 Там, надо мной и, будто дух, меня
 Священный воздух россыпями звезд
 Упоевал — —
 Тогда порой во мне смеялась жизнь.
 Я на рассвете высказать хотел
 То трудное, удержанное слово,
 И радостно, нетерпеливо так,
 Я утреннюю тучку золотую
 С ориента к нам на новый праздник
 звал,
 Сюда, где песнь, мой голос одинокий,
 В ликующий вольется хор — сюда.
 Но вновь и вновь, строптиво замыкаясь,
 Упорствовало сердце, выжидало,
 Чтоб вызрело. Сегодня моя осень,
 И сам собой спадает плод.

П А В З А Н И Й.

Зачем
 Он раньше не заговорил! Быть может,
 Не пережил бы он всего позора.

ЭММЕДОКЛ.

Не в тунике угрюмости покину
Вас, милые. Не бойтесь, вы! Страшит
Детей земли, обычно, новизна.
Коснеть в себе, как в скорлупе прожить,
Растение, да зверь веселый рады.
Предельные, хлопочут о себе —
Не перейти предела, и на том
Кончается их жизни скудный смысл.
Но боязливым надо, как-ни-как
Наружу выглянуть и, умирая,
Назад туда в круговорот стихий,
И, будто выкупавшись, освежиться
Для новой юности. — Людям зато
Высокое дано упоеванье:
Сами себя всевластны возродить.
А там из смерти очистительной,
Из смерти, что призвали сами вы,
Вдруг, как Ахилл из Стикса, восстают
Необоримо сильные народы.
О, дайтесь же природе, прежде чем возьмет
она!

Вы томитесь по небывалому
И, как из хворой плоти, рвется дух
Из оболочки ветхой Агригента.
Дерзайте! — Что обрели, что почитали,
Что передали предки вам, отцы:
Закон, обряд, божеств прадавних имя,
Забудьте вы! К божественной природе,
Как новорожденные, взоры ввысь.
О если дух воспламенится вдруг
От света неба, если напоит
Вам грудь дыханье жизни сладостно,

Как первый вздох, о, если мировое,
 Дух тишины, напевом колыбельным
 Вас обоймет и душу утолит, --
 Тогда земля сквозь забытье восторга
 Вновь заиграет зеленью полей,
 И горы море, звезды, облака --
 Величье сил, что близнецы герои
 Предстанут вдруг. Забьется ключем грудь
 Но подвигу: не вы ль оруженосцы?
 Так воздвигайте ваш прекрасный мир!
 Тогда друг другу вы подайте руки,
 И слово дайте и добро делите,
 О, милые! Тогда, как Диоскуры
 Делите подвиг, славу и да будет
 Один, как все. И как на строй колонн,
 Так опирайся на порядка стройность
 И строгость жизнь, о, юная! людей.
 И да закон скрепит союз живых.
 Тогда и вас, о, гении природы!
 Тогда и вас, игривых, призовет
 На празднество свободная община
 Гостеприимно. Ибо лучший дар
 Дает от сердца смертный, когда гнет
 Тот рабства склеп, не давит грудь.

П а в з а н и й.

Отец!

Э м п е д о к л.

От всей души вновь зазвучит: земля.
 И как из темных недр вдруг цветик ал,
 Так алоцвет ланит и свет улыбки
 Вдруг вспыхнут благодарностью тебе, --
 Грудь широкодышущей избыток.

.....
Неся любви священные венки,
Журчит ручей, свергается потоком,
Уж ширится, благословляемый,
Уж дрогнули под эхо берега
И зазвучал, о, океан - отец.
Могуче, гимном, вызревший восторг.
И возрожденным чувствует себя,
О солнцебог! С тобой небесносродным
И гений человека, и одно,
Что ни создаст — его, так и твое.
От силы духа, воздуха и жизни
Уже и подвиги ему легки —
Не подвиги! Они твои лучи,
И не умрет немеющею скорбью
Ничто прекрасное в груди. Порой,
Как семья злака, смертных сердце спит,
Под мертвой зрея скорлупой, пока
Не выйдет срок ему. Кругом любовью
Дышет эфир, и взор с орлами ищет
Свет зоревой. Зато благословенья
Сиовидцам нет! и скупое и лениво
Нектар впивает, повседневный дар
Богов, их тиходремлющая жизнь.
Но скудно прозябать наскучит им,
И ощутит свой плен отрад холодных,
Как Ниобей, грудь, и дух себя
Мощней напора масс. И бьющий ключ
Той изначальности своей тая
И помня, к красоте живой влечется жизнь
И любо ей пред чистым распуститься.
Тогда взблеснет восходом новый день
Ах! по иному все. Как если б
Вдруг, по утрате всех надежд, к тому

Кто мертвым мнилсЯ, к милому на грудь
 Любимая вся кинулась при встрече
 В священный миг — так сердце льнет
 к богам.

. Они!

Утраченные! да! они живые,
 Благие боги!.. (С ними в соединенье...)
 ... И свергнуться с потоком жизни...
 Прощайте! Было слово смертного.
 Он в этот час, разорванный любовью,
 К вам и богам, его зовущим, медлит.
 Пророчествует в день разлученья дух,
 Правдивы речью те, кто в безвозвратность.

К р и т и й.

Куда? Тебя Олимпом заклинаю,
 Мне, старику, ты мне, слепцу, открыл,
 Успел открыть его — не покидай.
 .Лишь близ тебя в народе вызреет,
 Побег и плод даст новая душа.

Э м п е д о к л.

Пусть говорят, когда вдали я буду,
 Цветы небес, те звезды, за меня
 И по земле пестрящие мириады.
 Божественной природе, вечнойвной,
 На что ей речь! Кто съединен с ней миг,
 Тот никогда покинутым не будет,
 Пбо и миг ее неугасим.
 Как счастья дар, над временем победен
 Его небесный пламень с высоты.
 Когда же дни счастливые Сатурна,
 Те новые, те мужние, придут,
 Тогда зовите прошлое! Тогда,

Согретое лучами гения,
Воскресни ты, сказание отцов!
О, мир героев! выманенный песней
Весенней солнца из страны тепей,
Приди на праздник, позабытый мир,
И вместе с тучкой грустно-золотой
Да вокруг вас, о, радостные вы!
Раскинутся шатры воспоминаний.

П а в з а н и й.

А ты? а ты? Ах! я не назову
При них, счастливых...
Вдруг догадаются, что ждет тебя.
Нет... ты не хочешь, нет!

Э м п е д о к л.

Желанья! Дети вы, и все ж упорно
Хотите знать, до истины добратся.
Ты в заблужденьи! говорите вы
Той силе, что сильнее вас, безумцы!
К чему! Как звезд неударжимый ход
Неударжим ход жизни совершенный.
Иль голоса богов невняты вам?
Еще была мне речь родных темна,
При первом вздохе, первом взгляде,
Я их услышал и цецил всегда
Превыше человеческого слова.
Ввысь! призывали голоса, и каждый,
Чуть веющий мне легкий ветерок
Будил могуче робкую тоску,
И захоти я дольше медлить здесь,
Я был бы юношей, что неуклюже
Нелепится за детскою игрой.
А-а! бездушно, как рабы, я нес

Мрак и позор души пред вами, боги!
Я жил. И как с вершины древа
Дождь цветенью, как золотистый плод,
И квят, и злак из темных недр началом,
Так радостью страданье процвело,
И ласково спустились силы неба.
На глубине стекаются, природа,
Ключи твоих высот — о, радости
Твои! в груди моей покоились
Они, в единую слились отраду.
И озирая жизни красоту,
Я об одном молил богов всечасно:
Коль скоро я мое святое счастье
Безоблачно, лишь юностью богат,
Нести бессилен буду, как бывало,
И обернется духа полнота,
Как у любимцев неба, в исступленье —
Тогда напомнить мне, тогда скорей
На сердце мне судьбу обрушить: знак.
Что наступило в емя очищенья,
И в новой юности спасенье мне,
Да друг богов не стал бы для людей
Забав и злоб клокочущих мишенью.
И вияли боги. Был могуч тог зов.
Предостерег — пусть только раз, но раз
Свободным духом край!
И не пойми, — о! клячей был бы я!
Уже в бока всадили шпоры ей,
Она же просит повода и вюка.
Не требуйте, да возвратится тот,
Кто вас любил, но с вами был чужим
И к вам пришел недолгий срок пробыть!
Не требуйте, да, ради смертных, он
Рискнул душой, рискнул своей святыней!

Не выпало ль на долю праздником
Прощанье нам? Не вам ли отдал я
Ценнейшее сокровище мое
От сердца — мое сердце? Конечно!
К чему я вам?

1-й АГРИГЕНТЯНИН.

О нам совет твой нужен!

Эмпедокл.

Вот юноша! Спросите без стыда!
Чем дух свежей, тем и глубинней мудрость,
Когда вопрос нешуточно велик.
Юн был и ключ, даривший Пифии,
Пророчице, богов оракулы.
Любимый мой! Охотно отхожу.
Живи, преемствуй! Был я утренним,
Тем мимолетным праздным облачком.
Цвел одиноко. Мир меж тем дремал.
Но ты! ты для полуденного дня рожден.

Павзаний.

О! я молчу! Увы!

Критий.

Что убеждать
Себя, мой друг, и нас с гобой. Темно
И у меня перед глазами. Видеть
Не вижу, что предпримешь, и не могу
сказать:

Останься! День повремени. Порой
Захватит миг неизъяснимо нас,
И мы, мгновенные, с мгновенным в нет,
Порой про прихотливый час иной

Нам думается: он давно продуман,
 Меж тем он только ослепленья час,
 Но только там, в далекости былого.
 Прости! Не мне хулить могучий дух
 И день такой! Я отступиться должен.
 Быть зрителем, вот все, что я могу
 Хотя б душой изнемогал.

3-й АГРИГЕНТЯНИИ.

О, нет!

Он не уйдет к чужим, туда, вдаль за море,
 Где берега Элады, иль Египет,
 Где братья ждут его уже давно,
 Его, возвышенного, мудрого —
 Молите все! О, умолите вы
 Его остаться! О, предчувствую,
 И трепещу и ужасом безмолвным
 От страшного до святости меня
 Пронизывает, и попеременно
 То вдруг ясней во мне, то вновь темнее,
 Чем до того. О, верно, ты судьбы
 Великой и носитель и провидец,
 Носитель вольный и провидец дивный,
 Подумай же о любящих тебя,
 О чистых, и о тех, кто провинился,
 Покаялся. О, милостивый! нам
 Ты много дал, — что без тебя оно?
 Не мог бы ты еще на время нам
 Дать самого себя, даритель?

ЭМНЕДОКЛ.

О, милая неблагодарность! Вас
 Я вдоволь одарил, чем жить могли б.
 Вам жить дано, пока в груди дыханье.

Мне не дано. Отсчитан срок тому,
Чьим голосом дух жизни говорил.
Божественно чрез смертного себя
Божественность природы открывает.
Так узнает ее пыгливый род.
Но чуть из смертных, грудь кому она
Отрадой полнит, возвестит о ней,
О, пусть скорей в осколки тот сосуд,
Да не послужит низким на потребу
Божественное! Дайте умереть
Счастливым этим, дайте, прежде чем
Они погибнут в своеволии,
В позоре, вздорах, дайте вольным в жертву
Себя отдать богам в их добрый час!
Мой жребий! — Да, я прозревал его.
Давно, еще в дни юности моей,
Себе предрек. Сумейте преклониться!
И если завтра поутру меня
Вам не найти, скажите: нет, стареть
И дни считать, как раб забот и хвори —
Нет, не ему судьба! ушел незримым.
Ничья рука его не погребла,
Ничьим глазам над пеплом не взгруститься.
Тому иной не подобал конец,
Пред кем в предсмертный, час отрадный,
Божественное сбросило покров,
Кто был любим и светом и землею,
В ком вечный дух, дух мира, пробудил
Дух собственный. И в нем они. К нему
Я в смерти возвращаюсь.

К р и т и й.

Сердцу стыд
Сказать ему еще хотя бы слово.

Эмнедокл.

О, подойди! Поддай мне руку, Критий!
 И вы, вы все! — А ты помедли, друг,
 Побудь со мной до вечера.
 Ты — верный юноша! — Отбросьте скорбь.
 Ибо священ конец мой и уже —
 О, воздух! воздух веющий с небес,
 В твоих объятьях новорожденный
 Горю пройдег неведомой тропой,
 О, чувствую тебя, как корабельщик,
 Когда он подплывает к берегам,
 К цветущим рощам острова родного.
 Уж радостнее дышит грудь
 И постарелые черты
 Преображает вдруг
 Воспоминанье первых упоений.
 И — о, забвенье! О, примиренность!
 Душа моя благословлять зрела.
 О милые! Идите, передайте
 И граду, и полям его привет!
 В веселый день, когда к священной роще
 Направитесь на празднество богов
 И вам с высот лазоревых уже
 Навстречу ласковые хоры, — есть
 В напевах тех и звук моей души.
 Вы мировыми хорами любви —
 Окутанному слову друга вновь
 Внимайте сердцем, так оно чудесней!
 Пока я здесь, слова мои — ничто.
 Но только унесет их света луч
 С тихим ключем, благословляющим,
 Сквозь облачную зыбь туда на дно...
 О, помяните и меня!

К р и т и й.

Святой!

Ты оборол меня, муж подвига!
 Я буду чтить твое грядущее,
 Но именем не назову. О, нужно ли?
 Ужель неотвратимо? И зачем
 Все так торопятся. Когда еще
 Тихим властителем ты в Агригенте жил,
 Мы не ценили. Вот ты взят от нас —
 И не опомниться. Радость пришла,
 Радость ушла! увы! Не смертным
 Принадлежит она. И не спросясь
 Стремит своим путем все дальше дух.
 Ах! Можем ли сказать, что здесь ты был!

(Уходят.)

Эмпедокл, Павзаний.

Павзаний.

Свершилось! Что ж! Прочь и меня гони,
 Как тех! Что тебе стоит...

Эмпедокл.

Казни!

Павзаний.

Я знаю! Так не смею говорить.
 К чужбиннику — святому. Но не мне
 В груди крик сердца подавлять. Ты сам,
 Ты воспитал, избаловал его. —
 О был я диким мальчиком еще,
 И думалось тогда, что мне подобен

Тот дивный муж, когда ко мне склонялся
 За ласковой беседой, и слова
 Его давно знакомыми звучали.
 Но миновало. О, мой Эмпедокл!
 Еще по имени тебя зову,
 Держу за ускользящую руку.
 И странно мне! Как если б верилось,
 Что не покинешь, любящий, меня.
 Дух юности счастливой! Иль впустию
 Привлек меня, впустию распахнул
 Я это сердце пред тобой, ликуя
 Победой и великою надеждой?
 Не узнаю тебя. Все сон. Не верю.

Э м п е д о к л .

Иль в сердце не проник?

П а в з а н и й .

В свое проник

И за твое оно так верно, гордо
 И бьется, и ярится.

Э м п е д о к л .

Милый друг,
 Воздай же должное и моему.

П а в з а н и й .

Но должное ужели смерть?

Э м п е д о к л .

Ты слышал.

Твоя душа свидетельствует. Мне
 Ничего нет исхода.

Павзаний.

Значит, правда?

Эмпедокл.

Так за кого меня ты принимаешь?

Павзаний (от глубины чувств).

Сын Урании! Ты спрашиваешь?

Эмпедокл (с любовью).

И что ж, как раб, я должен пережить
Мой день бесчестья? Так ли?

Павзаний.

Нет!

Волшебством духа твоего, о, человек!
Клянусь, я не хочу тебя позорить, нет!
Наперекор любви моей, любимый,
Я не хочу! умри, коль так! И сам
Свидетельствуй тем о себе, раз быть тому.

Эмпедокл.

Уверен был, что не безрадостно
Меня отпустишь, мужественный друг!

Павзаний.

Где скорбь твоя? Вот ореол зарей
Обнял главу твою и светомощь
Вновь излучает мне твой взор.

Эмпедокл.

А я!

Вот поцелуй обетованием
Губам твоим: могучим будешь ты,

Будешь светить, о, юный пламень!
 В душу —
 Все смертное — и в пламень обратишь,
 Чтоб вознеслось с тобой в эфир священный.
 Любимый мой, с тобой не даром жил
 И нам под небом ласковым не мало
 Неповторимо-дивного возшло
 От первого мгновенья золотого.
 О том не раз тебе напомниг, друг,
 Мой тихий дом и роща тихая,
 Когда ты мимо них весной, и дух,
 Нас единивший, обоймет тебя, —
 Благодари его тогда.
 Благодари его сейчас,
 О, сын! О, сын моей души!

Павзаний.

Отец!

Благодарить я буду, но когда
 Горчайшее отступит прочь.

Эмпедокл.

Но, милый!

Ведь и тогда прекрасна благодарность
 Пока еще радость-разлучница
 Прощает при самой разлуке нас.

Павзаний.

О, неужель ей суждено не быть?
 Нет, не пойму. А ты? Что в том тебе?

Эмпедокл.

Не смертные принудили меня.
 Я сам схожу бесстрашно, мощью вольной

Туда мной избранной троицей —
В том счастье мне, и то право мое.

П а в з а н и й.

Нет, страшное не выговаривай!
Еще ты дышишь, еще слову друга
Внимашь ты, еще так бурно кровь
Струится жизнью дорогой из сердца.
И тверд твой взгляд. И светел мир вокруг.
И ясен взор твой пред богами. Небо
Тебе легло на вольное чело,
И радостным перебегает блеском.
О, дивный ты! О, гений твой, Земля, —
И все обречено прейти?

Э м п е д о к л.

Прейти?

Но не подобно ль всякое *пребыть*
Потоку скованному стужей? Спит
Иль замер где священной жизни дух,
Что чистого ты в кандалы готов?
Но вечнорадостному никогда
Не запугаться в тюрьмах до ничто
И не замешкаться, оцепенев.
Спросишь: куда? По всем отрадам мира
Проходит он и нет пути конца.

..... Войди же в дом.

Вечерю приготовь, чтоб я вкусил
Мед крепких лоз и злака плод еще раз.
Да было б радостным прощанье нам.
И музам, милый, что меня любили,
Пропеть бы гимн хвалебный, — сделай,

сын!

Павзаний.

Мной как-то чудно правит твое слово
 Повиноваться должен, уступить
 И волей и неволей.

(Уходит.)

Эмпедокл.

А-а!..

Зевс освободитель! Ближе ты
 И ближе час мой. Там из ущелья мглы
 Посланный верный мой ночи вышел,
 Вечерний ветер, ко мне любви посланный.
 Свершится! Вызрело! Так бейся, сердце!
 Волнуйся! Вот он, над тобою дух,
 Как блеск звезды, меж тем как по небу
 За облаком безродным облака
 Все мимо, мимолетные, скитаясь...
 Но что со мной? Я будто начал жить.
 Все изумляет. Мир переименен.
 Теперь я есмь! есмь! — Вот она,
 Та странная тоска, что напала,
 Ленивец, на твой благостный покой!
 И потому легко ты поднял жизнь,
 Что победителя всерадостно
 Ты прозревал лишь в полноте дня
 Иду!.. Как? в смерть? В ту тьму лишь шаг
 один.
 И ты еще хотело б видеть, око?
 Ты отслужило, служелюбное.
 Вот ненадолго свежестью ночной
 Овею голову. Но бьет, ликуя,
 Из мужней груди пламень. Страшное,
 Приблизься!.. Как! От смерти, иссякая,

Вдруг вспыхнет жизнь во мне? Ты подаешь
Мне адский кубок, чтобы я, природа!
Твой жрец, к нему, вспененному, припал
Испить восторг, последний всех восторгов.
Доволен я. Что мне искать? Одно:
Место совершенья жертвы. Счастлив я.
О лук Ириды! Там над водопадом,
Когда волна серебром облака взлетит,
Как ты, тогда играет моя радость!

Пантея, Декия.

ПАНТЕЯ.

..... Темень людская!
Не избалован дух его
О, ты, ничтожное тобой!
Ты, жалкое! Что ты дало
Ему? В нем по богам тоска,
Что ж удивляетесь, как если б вы,
Глупцы, высокую в нем душу зародили?
Нет, не спроста! О ты, что ему все
Дала, природа!
Других твои любимцы миголётней,
Мне ли не знать?
Придут, чтобы взять судьбу, кто знает как,
Великими станут и канут вдруг,
Счастливы! Нет их, увы! Зачем же вы?

ДЕКИЯ.

Не дивно ль жить
В кругу сограждан. И мне
Что еще сердцем знать! Здесь мир
Ему. Но вот угрозой встает

Пред взором грустный конец
Непостижимого, и ты понуждаешь его
Удалиться, о, Пантея?

ПАНТЕЯ.

Должна! Кто свяжет волю?
Кто скажет: мой ты друг?
Себе он сам властелин живой,
Он сам себе закон.
И будет бессмертный, чтоб смертных честь
Спасать поносителей,
Здесь медлить, когда
Отец раскрывает,
Эфир, объятья ему.

ДЕЛИЯ.

Взгляни! Земля
Так дивно ласкова.

ПАНТЕЯ.

О, дивно и дивней сейчас!
Не след отважному
Ее покинуть нищим.
Он верно там
Еще среди рош твоих нагорий
О, переменчивая!
И по волнохолмию вдаль скользящий
Уж в море свергся взор. И пьет
Отрад прощальный свет. Кто знает, мы
Его увидим ли?
Мне больно, не того хотела б я
Признаюсь. И мне стыд, что я хочу.
Сверши он.— Ах! не свят ли подвиг?

Делня.

Что там за юноша
Вот сходит к нам с горы?

Пантея.

Павзаний! Ах! Ужели так дано
Нам встретиться, о, друг осиротелый!

Павзаний, Пантея, Делня.

Павзаний.

О, где же он, Пантея?
Ты чтишь, ты идешь его?
Еще бы раз повидать
Сурового странника, только ему
Дано пройти со славой той тропой,
Где без проклятья не ступал никто.

Пантея.

Смирен тот подвиг и велик
Пред ужасающим.
Но где же он?

Павзаний.

Он отослал меня. И с той поры
Я не видал его. На зов
Не откликался мне в горах. И нет
Его. Но он вернется. Мне
До ночи обещал повременить.
Придите! Быстрее, чем стрелы, несется
И канет час дорогой нам.
Еще мы радость разделим с ним

И ты, о, Пантея! с тобой
 И чужестранка — только раз
 Увидеть ей тот дивный метеор.
 К вам донеслося, плачѣи, вы!
 Как он умрет. Взгляните
 Как он возвыщен величьем.
 И тяжкая скорбь
 И то, что смертные страшным мнят,
 Пред взором блаженным смягчится.

Делия.

Так любишь ты! И тщетно молил
 Крутого? Все же, о, юноша!
 Мольба сильней, чем он, и гордился бы ты
 Победой славной.

Павзаний.

Как мог я? В плен
 Он душу мне берет, когда
 Твердое волит хочу.
 И радость нам только в отказе.
 И чем упорнее дивный,
 Тем отзывней вторит ему
 В груди, будто эхо, сердце. То не
 Пустое домыслие, верь ты мне!
 Когда он жизнь берет
 Мою под власть.
 Порой, когда в свой мир
 Он уходил
 Возвышен думами, так смутно
 Я прозревал его. Была
 Моя полна, взволнована душа.
 Но узкользало знанье, и почти
 Пугал меня недосягаемый.

Но чуть сорвется с правдивых губ приговор,
 Уж небом радости во мне и в нем
 Он отдастся, без возражений вмиг
 Захвачен я, но как-то мне свободней.
 Ах! Ошибись он! Глубже я
 Неисчерпаемо-правдивого познал бы.
 Умри он! — огненной мне вспыхнет гений
 Из пепла его навек.

Делия.

Воспламенила, дух высокий, тебя
 Высокого смерть. Но льбо
 Смертным погреться порой
 У кроткого света, скорбя, и взором
 Припасть к неизменному. Скажи ты мне,
 О, стоит ли жить нам и длить, когда
 Метет судьба и тишайших,
 И чуть дерзнут они, друзей
 Мгновенно прочь отбросит, и умрет
 Над трупом упований юность?
 О, пышный расцвет хранить
 Не рок живым. — Ах! Даже лучшие
 К богам переходят губительным,
 К смерти-возмездья богам и гибнут они
 Охотно. И нам в позор потом
 У смертных дольше медлить.

Павзаний.

Проклинаешь?

Во имя богов, не проклинай
 Ты дивного, кому почет его
 Стал бедствием,
 Кто примет смерть, за то, что жил чудесно,
 За то, что был любимцем у богов.

Не он, другой бесчестится теперь ||
 Так воздают! Но он? Когда его... ||
 Что мог он, сын богов! ||
 Безмерному и боль безмерная. ||
 Ах! Никогда лик благородный так ||
 Нестерпно не был оскорблен. И я, ||
 Я видел... ||

Делия.

О, зачем так легко
 Послала ты героя
 Любимца на смерть, природа?
 Как жаль мне, Эмпедокл,
 Как жаль, что жертвуешь собой.
 Кто слаб того судьба крушит
 А иные!
 А сильные!
 Им ни о чем: устоят ли? падут ли? —
 И станут теми же хилыми.
 О ты искушен,
 Ты, дивный муж! Что ты терпел,
 Не терпит и раб,
 И сам беднее бедных бродишь,
 Страну обходишь с сумой.
 Да, это истина!
 Даже отребье у вас
 Жалко, не столь,
 Сколь ваши избранные, чуть только
 Гнусь прикоснется к ним, о боги! —
 Все ж он достойно принял.

Пантея.

О иной
 По нем ли выход?

Не вечно ли, вечно так,
Что всех превысивший,
Всех гений переживает.

Иль вдумались вы:

Где жало, что сдержит его?

Ускоряет полет

Та острая боль.

И как возникший - гонщик,

Когда на скоку

Начнет дымить колесо, бег

Наирягает, только б скорей до венка.

Делия.

Так радостна ты, Пантея?

Пантея.

Не только пурпур ягод и квят

Богаты силой той, сестра!

Для жизни и скорбь напитков,

Чтоб пить опьяняясь, как он,

Из кубка смерти до счастья.

Делия

Ужель, дитя,

Тем тешишь боль?

Пантея.

О, нет! Но радостно мне

Да свято, коль так тому быть

Тому страшному, да дивно свершится оно!

Не так ли, как он

Из героев к богам возносились иные.

В испуге с громким плачем

С горы спускался народ,

Но не слышала я поношений.
 Не как отверженные, он
 Бежит укрываясь: ведь вняли все,
 И вот сиянье в горе на лицах у них
 От слова, что им говорил он.

П л а в з а н и й.

Нисходит торжественно так
 Гелиос! От света
 Его пьянея, блистают долины

П а н т е я.

Нисходит торжественно так,
 И радостней нам! и жить светлей!
 К чему же грусть моя? Блещет,
 Мрачная дума, тебе
 Он, нисходящий во мглу,
 Твой сын, твой любимец, природа!
 Твой друг, твоя жертва!
 О! не мил ты смертобоязным — не люб!
 Им забота вижет обманом
 Глаза, — не припадет их
 Сердце к сердцу, к тебе — увядают
 Вдали от тебя. — О мир! О, мощь!
 Живое, глубинное! В дар тебе,
 И чтобы прославить тебя, он, о, бессмертное!
 В пучину смеясь жемчуга
 Обрато мечег отважный.
 Так быть тому должно.
 Так властвует дух
 И напорливый день,
 Так нам ослепленным
 Раз выпало чудо.

ПЕСНЬ СУДЬБЫ

(из «Гипериона»)

В свете горнем
Тропами легкими
Бродите вы, беспечальные тени!
Чуть коснутся вас
Ветвя светлые,
Словно пальцы арфистки
Священных струн.

Рока не ведал,
Словно дитя во сне,
Дышут небесные.
Чисто храним
В почке стыдливой
Вечно цветет у них дух,
И тихо сияет
Ясностью вечной
Взор беспечальный их.

Но нам не дано
Мира для отдыха:
Люди переходят
В горьких страданиях,
Падают слепо
С часу на час,
Как на уступ с уступа
Год за годом
Воды стремниной на срыв

ОТ РЕДАКЦИИ И КОММЕНТАРИИ

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

КОММЕНТАРИЙ

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

Второй раздел посвящен... Матрица...
...и другие вопросы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРЕДВАРЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

Переводить можно по разному. Можно переводить автора. Можно автора переводить-в-себя. И можно себя переводить в автора.

Перевод автора-в-себя есть поглощение автора. Так рождаются вариации на тему.

Перевод себя-в-автора есть перевоплощение. Так переводит артист. Случай особой удачи: конгенциальность автора и переводчика.

Просто автора переводит ученый. Здесь переводчик—зритель. Здесь ощутительна дистанция между оригиналом и переводом. Некоторое умерщвление живой плоти оригинала — холод.

Строго говоря также по разному можно и комментировать. Можно комментировать автора. Можно автора комментировать — в себе. И можно себя комментировать в авторе.

Просто автора комментируют филологи. Это уважаемый и честный случай. Подчас к нему приложимо изречение Гераклита: — Многознание уму не научает. Комментарий вне температуры и безопасен.

В себе комментирует автора писатель. Писатель может быть инкубатором для любых авторов. Такой комментарий теплый и телесен. Иногда с сыском.

Себя-в-авторе комментирует философ. Он знаток только той эссенции, которую сам изготавливает. Он исходит от такой-то предпосылки, первопринципа, метода или, объективно осмысливая, такой-то свой смысл вкладывает в предмет. Этот комментарий холоден, но одновременно и страстен, и небезопасен—для автора.

ЭМПЕДОКЛ ИЗ АГРИГЕНТА — ФИЛОСОФ V ВЕКА ЭРЫ ЯЗЫЧЕСТВА (ДО Р. Х.)

1. БИОС

Загадочнейший из философов античности, которому и подобало бы прозвище «Загадочный», которого толкователи — ученые и философы — всех толков пытались на протяжении тысячелетия объявить своим — и эмпирики, и неоплатоники, и материалисты, и отцы церкви — и с которым остро полемизировались идеалист-Платон и реалист-Аристотель, и который все же остался двусмысленным, обособленным, шествующим так величественно-декоративно в пифагорейском одеянии — в пурпурной мантии, золотой повязке, дельфийском венце и медных сандалиях по городам Сицилии. А поверх одеяния облако легенды: оттуда и говорит нам предание, даже голосом самого Эмпедокла, о вздаваемом ему, материалисту, поклонении, как существу бессмертному.

«Многоцветный» обозвал его один трагический философ. Мы бы сказали — энциклопедист. Здесь он антипод Гераклиту; философ, но одновременно и политик, даже законодатель. Аристократ по происхождению, но поборник равенства прав, крушитель тирании и сам отклоняющийся, при всей гордости своей, царский сан.

Независимость мыслителя прежде всего.

Он — оратор и он же — врач.

Один древний любитель занимательных историй передает в форме новеллы о возвращении к жизни Эмпедоклом мнимо-умершей девушки Пантеи. Быть может, пробудил от летаргии!

Он и инженер.

И как врач-инженер оздоравливает климат посредством искусственных сооружений. Спасает соседний

город от чумы. От него будто ведет свое начало знаменитая в древности сицилианская школа врачей.

Он и музыкант.

И прелестна легенда, орфическая по духу, как музыкой и песней, умеряющей гнев, останавливает он руку убийцы-мстителя.

Он и поэт.

Его оба сочинения «О природе» и «Очищение» написаны гекзаметром. И первое из них посвящено любимому ученику-другу Павзанию. Но как всегда, фанатизм провозвестителей догматически непогрешимых истин — христиан и поклонников Корана — уничтожил оба сочинения. Из 5 000 стихов дошла едва 1/10 часть. Быть может, он и автор трагедий.

Он из агональной семьи и в конном состязании на Олимпийских играх взял приз.

И, наконец, он — кудесник. Ему ведома тайна природы — *encheiresis naturae* — создавать живое. К обычному циклу чудес: воскрешение трупов, омоложение, исцеление неисцелимых — присоединилась еще магическая власть над погодой: вызывать ведро, дождь, укрощать ветры.

Древние биографы — любители сплетен и мифологических морок. Но о своем чуде и сверхчеловечности загадочно сообщает сам Эмпедокл в приступе «Очищения»: как шествует он по городам, увитый перевязями и гирляндами зелени, с пышной свитой, будто бессмертный бог, а не смертный человек, и несчет людей вопрошает его в поисках пути спасения: кто ищет оракула, кто исцеления от недуга.

Что это: самообожествление, как поэтическая метафора? или великодушное шарлатанство древнего Каллостро? или прием проповеди философской истины — в своей данной наготе жестокой и безнадежной для человека.

Необычайна и кончина: самоубийство. Как, быть может состарившись, быть может от безумия гордости, ища увековечить свою «божественность» — скрыть тело, быть может, познав и пережив все человеческое, от пресыщения и отвращения к неблагоприятным согражданам, кинулся он в кратер Этны. Медный сандалий, выброшенный на край вулкана напором лавы, оповестил сограждан об инциденте.

Трезвые амузические умы больше доверяют обычности: Эмпедокл порвал с демократическим правительством Агригента и был изгнан или удален на Пелопоннес, где и умер.

Но, вдумываясь в самый великолепный жест прыжка в огненную стихию, сопоставляя с учением Эмпедокла — с творческим смыслом огня, с проповедью вечного перевоплощения живых существ — решаешь: быть может, прыжок и не легенда. Свергнуться с высоты обожествления и самообожествления мог он только в смерть, как в новую жизнь. Учение осмысливало прыжок, оскорбленная гордость, некогда боготворимого изгнанника, побудила.

Так именно раскрывает душевную трагедию Эмпедокла трагедия поэта Гельдерлина.

2. УЧЕНИЕ

Гельдерлин реабилитировал загадочного философа — этот редкий образец импинативной мощи, с его тоской романтика по тотальности и гармонии мира, обществу, человека, сумевшего, одновременно, строя естественнонаучную систему, развивая миф и играя аллегориями, обнаружить одну и ту же истину в трех планах: физики, этики и эстетики.

Монист — он оказался дуалист м: признал две деятельные творящие и губящие силы — Филлю и Нейкос — Любовь и Ненависть точнее, — дружбу и распрю, раскрыв их диалектику вне всякой синтезы противоборствующих начал. Вечно наличны в борьбе обе: Любовь и Ненависть. Но попеременно побеждает то Любовь, то Ненависть, то теза, то антитеза, овладевая вихревым движением от центра к периферии мира и обратно. Мировой исход борьбы в данной фазе решает квантум силы.

В вечном движении мир проходит через фазы великой космической метаморфозы в пределах «мирового» года. Это значит: 400 000 лет.

То первоэлементы-стихии — огонь, воздух, вода и земля — вечно живые, самодвижущиеся, самодробящиеся до бесконечной малости, подобия химических атомов, гармонично взаимосочетаются и организуют живую совершенную форму — шар, Сфайрос, мир любви: это зна-

чит, и добра, и красоты. А вокруг по периферии его бушуют вихри ненависти — негармонизованные хаосы, пока напором не ворвутся они в Сфайрос, не разорвут не размечут его гармонию на части, не спрессуют однородное друг с другом, чтобы четырьмя враждебными массами — косностью, злом, уродством — противостоять в центре друг другу. Но на периферии их уже вновь вихрь любви съединяет, гармонизирует стихии и вот закружит, размечет и вновь создаст идеальную смесь: мир-гармонию.

Пока это космогонический сказ, а не механистическая гипотеза. Первоэлементы заряжаются попеременно любовью и ненавистью, обнаруживают влечение и отвращение, а не просто притяжение и отталкивание.

Любовь и Ненависть — характер движения.

Пока перед нами абсолютные точки, полюсы процесса. Важнее промежуточные фазы; самообозначение обозначенных вещей и существ — фазы индивидуализации.

Одинаково могучи творить Любовь и Ненависть.

Ненависть творит, разрывая гармонию Сфайроса на индивидуиков, на точечные диссонантики, чтобы после сплавить их в косные массы. Любовь творит, разрывая косность масс на пестрые диковинные агрегаты, чтобы сочетая их постепенно в микро-гармонии — в растения, животных, людей, планеты, звезды — довести их до единой макро-гармонии Сфайрос и в ней поглотить.

Характерно: *principium individuationis*, всякое «я», обречено на гибель. Оно — материал для убийства или самоубийства и ради торжества косных разобщенных масс ненависти и ради нирваны космоса любви.

Сказался религиозный взгляд загадочного материалиста: поглощать единичное целым. Его оправдание: вещи смертны, но стихии бессмертны. Мир неустанно нудьспрут жизнь, Распадаются только формы.

Космическое творчество не дело мастера художника, мироустроителя разума. Нет плана. Нет целесообразности. Оно слепое, как у Шопенгауэра, но в слепоте спонтанно осуществляется самый смысл сил: Любви, как взаимосоответствия, и Ненависти, как несоответствия. Само собой стихийно, случайно оформляются вещи. Потому и в эволюции живых существ, среди бесчета неудачных форм и неленостей — этого блуждания

бесплечих рук, безлюбых глаз, голов — без шеп — сами собой, по некоторому средству, сочетаются все противоположности, возникают цельные, жизнестойчивые, прекрасные формы (намек на естественный отбор Дарвина). Господствует случайность. Все могло бы быть и иначе. И случайность эта есть *мечущаяся необходимость*. Необходимость — наличие любви и ненависти. Необходимость — непрерывная метаморфоза «единого во многое и многого в единое». Необходимость — кружиться колесу существования. Но она мечется. Всякое оформление случайно. Человек случаен. И если в организации форм природы глаз усматривает закономерность, то и закономерность эта — мечущаяся закономерность.

То, что миф живописует в плане космическом, осмысливается одинаково и в плане социальном и в плане индивидуального самосознания.

Личное погибает во всеобщем. Всеобщее уничтожается в индивидуациях и в мире ненависти и в мире любви.

3. ПРОПОВЕДЬ

И этот Эмпедокл, трагический пессимист,¹ раз навсегда закруживший колесо существования на бес-смысленцу вечной гибели и вечного возрождения, про-ходит, как Будда, по городам Сицилии с сердцем, переполненным любовью ко всему живому и с отвращением и ужасом к самой жизни, в таком декоративном одеянии и с эсхатологически мрачным лицом, со смертной казнью для тиранов и с запретом есть мясо: ибо, где аргумент, что убиваемый баран — не перевоплощенный человек? Загадочный материалист в космогонической теории, он еще более загадочный спиритуалист на практике: учением с переселением душ пытается воздействовать на кровожадность современников и о себе рассказывает сказку метемпсихоза, как о существе иного мира блаженства, как о павшем за преступление, может быть, за пролитие крови, демоне, как был он

¹ Трагический пессимизм противопоставляется пессимизму вообще: не отрицает жизни — наоборот, он героичен, даже жизнестойчив, как у Нитче.

юношей, девушкой, птицей, рыбой, кустом, «разглашая тайны пифагоризма».

Мог ли он серьезно верить в переселение душ, если душа для него, «смесь элементов», эффект от количественного отношения, называемый гармонией и вместе с распадом телесной формы аннулируется? если мысль зависит от состава крови; изменение в крови — изменение и в мысли! Если кровью познают? Если все части тела ощущают, радуются и печалются? Если в теле множество душ?

Вокруг Эмпедокла kloкочут злобы, болезни, убийства. В космогоническом плане объяснение простое: наступила эра ненависти. Ненависть вторглась в мир любви и надо ей противостоять любовью, чтобы преодолеть и скорее притти к гармонии.

Но есть и в психологическом плане объяснение: подобное тянется к подобному: горькое к горькому. Сродным познаешь сродное — *similia similibus*. Любвью видишь любовь и ненавистью ненависть. Ненависть внутренняя вносит ненависть во вне, усиливает ее в мире.

Будет убийству конец, безудержу? Слепы вы,
что ли?

Век терзать — пожирать друг друга, бездумные
звери!

Проповедь перерастает запрет кровавых жертв. Речь идет о человеческих взаимосвязях. Убить — означает устремиться к первоначальной распре. Проповедь любви Эмпедокла — не проповедь самопожертвования ради икса или игрека; она пропаганда идеи всеобщей гармонии. Эмпедокл хочет исправить мир, принудить человека все исковерканное ненавистью преобразить любовью, радостью преодолеть страдание. Амбивалентность любви и ненависти, диалектика чувства ему чужда.

Но кому проповедует он? Этим мечущимся во все стороны недодумам? Они знают только свои маленькие истины. Кто на что натолкнулся, то и принимает за истину. И еще кичится, будто нашел целое. Истину бытия познает только вдумывающийся: философ. Но с ненавистью встречают люди его слово. Если бы они поняли, что знать — значит владеть.

Проповедь Эмпедокла, высокий случай, когда философ, монист, как характер, познав дуализм существования, вечность противоборства полярных сил, все равнодушие этих сил к судьбе человека, всю случайность человека, более того, познав всю изменчивость и необходимость миропорядка, бессилье знания исправить его — и вот все же, наперекор своему трагическому познанию, выступает с героической проповедью любви, становится на сторону одной из двух противодействующих сил, как если бы сознательное содействие человеческого разума «любви» могло помочь ей оборотить космическую «ненависть» и раз навсегда преобразить мир. Или в ином плане: как если бы сила социального взаимоотношения и психического отращения, как выражение всеобщей необходимости, могла бы быть преодолена социальным взаимопротяжением и психическим влечением, как актом сознательной воли.

Для мифологической космологии Эмпедокла это значило бы, что разум и сердце человека как добавочная сила, вместе с космической любовью отбросили бы ненависть от уже распадающегося Сфавроса на периферию и все дальше и дальше отодвигали бы ее в глубь бездны... Это значит: гармония утвердилась на века, мирового года нет, необходимость нарушена, мир преобразен.

Если бы при предисылаках Эмпедокла-философа на такой антилогический прыжок свободоволия отважился Эмпедокл трагедии, мы бы сказали, что здесь для Гельдерлина сказались лекции Фихте. Но для Эмпедокла-философа объяснение одно: мощь его имажинации, которая наперекор учению философа героически дерзнула исправить бытие, уступая чувству сострадания к трагической участи человека.

Этот переизбыток любви угадал в нем Гельдерлин, но усилил ее новым мотивом: эффектом. Любовь Эмпедокла ко всему живому стала его гордостью. И оскорбленная гордость потребовала от любви самопожертвования.

Нет ничего легче, как разрядить, для успокоения научной совести, символы и аллегории Эмпедоклова мифа переводом их в термины современного матема-

тического естествознания: гравитационное поле, тангенциальная сила вращательного движения, ионные агрегаты и пр. Найти у него не только предвосхищающие учения о естественном отборе Дарвина, но и вихрей Томсона, сравнительной морфологии Гёте, основ гомеопатии, характерологии и пр. Все это верно и, думается, читатель при желании и сам совершит необходимый перевод символа в концепт. Но комментатор, излагая учение древнего философа, равнялся при этом по Эмпедоклу трагедии, раскрывая душевную трагедию личности, а не научнообразные элементы мифолого-философской системы. Попутно уясняется и творческая переработка материала, завещанного традицией, автором трагедии.

Из традиции взято:

Часть действующих лиц трагедии: Пантея, Павзания. Пещерение Пантеи. Преданность Павзания. Обожествление агригентами и самообоожествление. Политическая и религиозно-реформаторская деятельность. Магическая власть над природой. Само учение. Изгнание. Прыжок в Эту.

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕМЫ

«ГИПЕРИОН» И «ЭМПЕДОКЛ»

«О, вы, спутники моих дней, не обращайтесь к врачам и не обращайтесь к священникам, когда вы погибаете душой. Вы потеряли веру во все великое и вы должны, вы должны погибнуть, если не вернется вера ваша, как комета из чужих небес».

„Гиперион“.

Зарождение темы. — Трагедия «Смерть Эмпедокла» зародилась еще в лирико-философском теле романа «Гиперион». Образ Эмпедокла не только метемпсихоз героического образа Гипериона, повторенного в высшем регионе, но и дальнейшее развитие диалектической темы «природа: культура»! Первая гармония — сдвигание человека, это значит, человека-ребенка, с природой — утрачена.

«То, что было природой, стало идеалом».

«Из детской гармонии возникли некогда народы... С растительного счастья начали люди и стали расти и росли, пока не созрели. С той поры мнутесь они непрерывно и духом и плотью, и вот теперь в бесконечном распаде человеческий род, будто хаос перед нами: потому у всех, кто еще чувствует и видит, голова кругом ходит. Беглянкой воспаряет к духу из жизни человеческой красота. Что было природой, становится идеалом! и если дерево высохло и выветрилось у корня, все же выпрыснула наружу свежая верхушка, чтобы зеленеть под сверкающим солнцем, как некогда, в годы юности, зеленел ствол. Что было природой, стало идеалом. По нему, по этому идеалу, по этой обновленной, божественности, узнают немногие избранные себя. И единые они, ибо единое в них. И от таких, от таких зачнется вторая эра для мира!»

Дело Гипериона осуществить этот идеал, создать новую эру для мира, вторую духовную гармонию, как начало новой мировой истории — волей человека.

«Да будет от начала по иному. Пусть из *Корня Человечества* выбежит ростком новый мир. Пусть новое божество вершит ими! Пусть новое грядущее откроется им!»

Еще для культурного сознания эпохи Гельдерлина образец — идеал человека — эстетический человек и божество его — красота. И слово божественный означает гений-художник. И под лозунгами «теократия красоты», эстетическая церковь провозглашается религией искусства: основоположная мечта поэтов и философов романтизма. То, что проповедует Гиперион — то проповедует и Новалис, и Шлейермахер, и Фр. Шлегель и др. Мысль овесня дыханием Платона, но одновременно пульсирует революционным пафосом романтиков французской революции. Повторяем: «божественный» человек есть человек-художник. Теперь бы мы не без сарказма, перевели: инженер. Художник, как идеал культурменча, не стимулирует сегодня поколения. Стимулирует «ученый». Но не филолог, а «техник», даже если он философ. В эпоху Гёте-Гельдерлина иначе. И будет иначе.

«Первое дитя человеческой божественной красоты — искусство. В нем обновляет и повторяет себя божественный человек. Самого себя хочет почувствовать он: потому и ставит перед собой красоту свою. Так, человек создал себе богов, ибо в начале человек и боги его были единым: ибо не знала самой себя вечная красота»...

Красоты дитя второе — религия. Религия — *ЛЮБОВЬ К КРАСОТЕ*. Мудрец любит ее самую — бесконечную, всеобъемлющую. Народ любит ее детей — богов, предстоящих ему во многообразии обликов. И без такой любви к красоте, без такой религии, каждое государство — только жалкий остов, лишенный жизни и духа, и всякая мысль и дело — только дерево, лишенное верхушки, только колонна со сбитой капителью.

Но есть и третье дитя красоты: *ФИЛОСОФИЯ*. И она же разгадывает тайну красоты и осмысливает ее. И она от искусств, чтобы искусством и завершиться.

«Поэзия — начало и конец (философии). Как Минерва из головы Юпитера, так возникает философия из бесконечного, божественного бытия поэтического творчества, чтобы в итоге все, что несогласно с ней, вновь возвратилось к тому же таинственному источнику поэзии». Под этим подписался бы друг Гельдерлина Шеллинг — но не друг Гельдерлина Гегель. Гегель дал бы свою подпись под другим:

«Великое изречение *hen diaferon heauto* — в себе самом единое различно — Гераклита... в нем сущность красоты и прежде, чем оно не было найдено, философия не существовала.. Момент красоты стал отныне ведом людям, открылся в жизни и духе: бесконечно-единое стало быть. Его можно было разъять, разделить в духе. Разделенное можно было вновь мысленно воссоединять. Итак, можно было все глубже и глубже познавать сущность высшего и лучшего и познанное поставить законом над многообразием областей духа».

Но как ни близко внешне по методу соприкасается диалектика Гельдерлина и Гегеля, Гегелю пришлось бы все же забрать свою подпись после слов:

«Из голого разума не проистекает ничего разумного... Из голого разума не рождается философия, ибо философия есть нечто большее, чем слепое требование нескончаемого продвижения вперед путем объединения и расчленения любой предметности».

И тут же удар по рассудочности

«Вся деятельность рассудка направлена нам на защиту... Он охраняет нас от глупости, от несправедливости. Но быть в безопасности от глупости и несправедливости еще не высшая ступень человеческого совершенства. Разум без *духовной и душевной красоты* подобен надсмотрщику, поставленному хозяином над батраками. Он не больше батраков знает, что получит от всей этой нескончаемой работы и только покрикивает: — Эй, ты, там, пошевеливайся!».

«Но если устремлению разума светит божественное «*hen diaferon heauto*» — единство, как различие — этот идеал красоты, то разум уже не слепо требует, а требует, зная: почему и для чего».

Только этот идеал красоты не обращенная сама на себя мысль, а прежде всего — природа, как красота,

и искусство, как красота. Здесь разрыв между язычником-паниспихтом Гельдерлином и панлогистом Гегелем.

«Священная природа! ты та же во мне, что и вне меня». И объединить это «во мне» и «вне меня», дух творческий человека с творческой мощью природы, вдохновение художника с оргазмом, но и тишиной вегетативной силы земли и вселенной, в единую красоту, так разрешить противоречия мира — эмоциональным восторгом, но стоя на вершине диалектического знания — это смысл второй гармонии, новой эры: переживать!

«Человек, который хотя бы раз в жизни не пережил полноту чистой красоты, когда его внутренние силы как бы играют сами с собой, будто двета лука Приды, который никогда не испытал, как единственно только в часы вдохновения все глубоко согласуется меж собой, такой человек не превратится даже в философа-скептика; его дух не создан даже для разрушения, не говоря уже о созидании, ибо, поверьте мне! скептик только потому находит во всем мыслимом противоречие и недостаток, что ему введома гармония совершенной красоты, недоступная мысли. Черствый хлеб, который благосклонно подносит ему человеческий разум, он только потому отвергает, что втайне мечтает о трапезе богов».

Но Гигернон, проповедник новой эры, не только созерцатель, не только странник — он борец. Его лозунг: *«Воздвигай мир, а не странствуй!»*

Новое вольное государство видится Гигернону, где один за всех и все за одного. Собственно даже не государство: он — антигосударственник: союзы возвышенных душ, федерации друзей, быть может, подобие республики, созданной художником-пиратом Ардингелло (роман Гейнзе) на одном из островов архипелага, чему позднее высшее выражение в романтической традиции «республика гениев» Фр. Ницше: те треста человек новых философов, которые, собравшись вместе, создадут Европе новую культуру — геронческую, где ликующая радостью жизнь торжествует над трагической гибелью героя. Потому и Эмнедока кончается песнью — ликованием Пантея над кратером Этны:

Исходит торжественно так,
И радостней нам! И жить светлей!

Но не взошло дело Гипериона на ниве жизни: возродить Элладу такой, какой она хотелась Вонкельману и Гёте. Пришли факты. Горцы — освободители, войско крылатых пейзазов оказалось бандой грабителей. Диотима — любовь Гипериона и муза восстания — в могиле. Соратник — вождь Алабанда пропал без вести. Вокруг Гипериона рабское сознание, свирепость, хмельная одурь, голод, страх, проклятие. Природа и ее художники оскорблены. Все боги обращаются в бегство. Революционный романтизм сокрушен. Он одинок. За голову его обещана награда. И здесь приходит ему на мысль Эмпедокл. Он пишет другу Беллармину:

«Теперь скажи, где найду я прибежище? Вчера был я на вершине Этны. Там вспомнился мне великий сидлианец, который, пресытившись отсчитыванием часов, сдвинувшись с душой мировой, в дерзновении жизненной мощи, некогда свергся с вершины в великое пламя. Холодному поэту пришлось согреться у огня, как бросил ему вслед злой насмешник».

(Только кто он насмешник? — Гораций!)

Здесь впервые упоминается «Эмпедокл». И прослеживается спиральный поворот в развитии темы романа к трагедии: спасти тему, найти героическое разрешение конфликта «природа; культура». В романе тема конфликта разрешается единением героя со всеживой природой — уходом от деяния к квиетизму созерцателя. Не искусство — природа, переменчиво-играющая, исцеляет от страдания. Но над исцелением заключительным аккордом звучит диалектическая теза:

«Как распря влюбленных противоречие мира. Примирение в самой борьбе и все разъединенное соединяется вновь».

Раненый на смерть Гиперион погружается в природу. Эмпедокл — точка спирального поворота темы — вынырывает, как дух-стихия самой природы, одновременно, и как гений культуры, т. е. как гений их соединения, чтобы в попытке подняться над природой ее властелином (самообожествление Человека!) утратить всеведение и счастье и искупая кичливость (hubris эллини-

ской трагедии) *principii individuationis*, добровольной жертвой низвергнуться обратно в природу, в поток ее метаморфоз.

Здесь требуется новый поворот спирали — к нам, к нашему надрелигиозному сознанию. На точке этого поворота: **ДИАЛЕКТИКА ЖЕРТВЫ** — жертвенная гибель героя (вообще индивидуации), как возрождение общины (вообще всеобщности).

В диалектике темы намечаются этапы: 1-й поворот спирали темы: диалектика исцеления. 2-й поворот: диалектика жертвы. 3-й поворот должен бы дать **ДИАЛЕКТИКУ ПРЕОБРАЖЕНИЯ**. Она не дана. Гельдерлин не успел: его духовно убило общество.

— Меня поверг Аполлон, — лишет он. Должен был бы написать: меня убила тупость моих сограждан.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА

То, что переживал Гиперион в Греции — переживал Гельдерлин в Германии. Так возникла трагедия. Творческая работа над текстом прослеживается от августа 1797 — по сентябрь 1799: два года. Прямые указания: в августе 1797 г. составляется детальный план. Трагедия всецело захватывает поэта.¹ Пока Гельдерлин еще не в разлуке с любимой женщиной — Сузанной Гонтар: он во Франкфурте. Но вот разрыв с банкиром Гонтар и переезд в Гамбург.² Через год свидание. Поэт гостит у друга Синклера. Прекрасная осень. Целый месяц Гельдерлин спокойно работает над трагедией. Сознание поэтических недочетов моментами парализует для писания.³ Трагедия — последняя попытка осуществить себя на собственной пути.⁴ Мучение что неизречимо глубинное знание сердца. Тяготит недумие, иррелигиозность среды, т. е. духовная сниженность, отсутствие гармонии интересов. Как в зачумленном городе живут люди.⁵ Гиперионова тема о создании новой «религии природы», нового общества воспламеняет. Весна 1799 года — наметки: работа продолжается.⁶ Оформились теоретические предпосылки трагедии — смысл трагического, мысли о форме трагедии.⁷ Под формальную структуру подводится культурно-философский базис. К началу июня 1799 года относятся слова из письма к брату: «Напоследок хочу списать тебе отрывки из моей трагедии «Смерть Эмпедокла», которой я сейчас отдался с любовью — неснешше, но усердно». Следует фрагмент из второй редакции, уже дифирамбический по тону в форме вольного стиха. Традиционный триметр трагедии взорван. Июль 1799: надежды на создание журнала. Письмо к Шеллингу: в журнале будет помещена трагедия. Сентябрь утверждает в силе «вечную неудачу»: проект журнала не осуществлен. Прогал. Но Сузанне Гонтар

поэт пишет: «Я намерен остаток времени использовать для моей трагедии, на что нужно еще около четверти года». ⁸ На этом прямые сведения кончаются. Дальше только намеки: стилистические приемы: реминисценция на предсмертный монолог Эмпедокла.

А!.. Зевс Освободитель! Ближе ты и ближе час мой.

(В немецком тексте стоит «Юпитер»). В письме: ⁹ — Великолепный Юпитер — последняя мысль при гибели и смертного. Или о Тантале: «Чтобы мне не пришлось как Танталу, который получил от богов больше счастья, чем мог вынести». В трагедии: «Ты сам всему виной, Тантал-страдалец». Мотив самообожествления, как танталова вина. Намеки утверждают: поэт не вышел из темы трагедии. Но трагедия осталась литературно незавершенной. В аспекте формальной поэтики она и не трагедия. Развитие действия глубоко интимно. Внешняя интрига не побуждает к развязке. Трагично не положение героя, а положение его самосознания. Аффект, оскорбленная гордость управляет поступком, но под прикрытием идеи искупления. Как характер, герой вполне идеален. И все же это трагедия — ее высший вид: трагедия с идеей. Лирико-мелические части трагедии (написаны лагоэдами) замещают хор греческой трагедии (особенно эксод: Пантея, Деция, Павзаний). Пред нами фрагменты и планы.

ВАРИАНТЫ

Наличны два варианта трагедии: — Вариант I — «Смерть Эмпедокла». Вариант II — «Эмпедокл на Этне»

В а р и а н т I. — «Смерть Эмпедокла» представлен: а) Первоначальным детальным планом пятиактовой трагедии. б) Первой редакцией: двуактовая трагедия (дана в переводе). Ощутительна пустота между сценой разлуки Эмпедокла с Павзанном и предсмертным монологом. в) Второй редакцией (2, 3, 4 сцены 1 акта): Критий замещен Мекадом. Трое агригентия получили имена: Амфарий, Демокл, Гил. Предполагается участие

хора агригентян. Все напряженнее, четче, смелее. Диалог дифирамбичен.

Сюжет первоначального плана. Выполненная трагедия не отвечает первоначальному плану. Эмпедокл женат. Жена Пантея убеждает Эмпедокла принять участие в народном празднестве агригентян. Досада Эмпедокла на праздник. Домашняя ссора: жена выговаривает за досаду. Решение удалиться в уединение на Этну. Эмпедокл на Этне. Посещение любимцем Павзанием и учениками. Гневные отзывы Эмпедокла о народе. Отсылает посетителей. Приход жены и детей. Пантея сообщает: агригентяне почтили его статуей. Почет и любовь, связующие Эмпедокла с действительностью, побуждают его вернуться (честолюбие на-лицо). Возвращение: радость учеников и народа. Завистники и противники — жрец, прослышав о противонародных речах Эмпедокла на Этне, возбуждает против него народ. Народная ярость. Статуя Эмпедокла опрокинута. Он сам осужден на изгнание. Решение Эмпедокла разрешить конфликт — между стремлением к возвышенной жизни и срывом в быт — добровольной смертью. Обманное прощание с Пантеей. Скрывает свое решение и от Павзания. Эмпедокл снова на Этне. Народные сценки: жители горы. Приготовленне к смерти. Возвышенное настроение. Смерть теперь внутренняя необходимость. Павзаний угадывает решение Эмпедокла и находит его. Убежденный учителем, уступает, уходит. Эмпедокл свергается в кратер. По выброшенным лавою железным башмакам Павзаний догадывается, каков был конец. На вершине Этны над кратером Павзаний, Пантея и приверженцы оплакивают, не без ликования, смерть Эмпедокла

Душевная драма Эмпедокла предвосхищает социальный конфликт. Ненависть к мнимой культуре. Презрение к профессионализму, к расщеплению интересов, ко всякой односторонности. Страдание от обособленности существования и от познания, что он, Эмпедокл, подчинен сукцесивному закону становления (он смертен). Желание жить полно и волюно в великом аккорде со всеживой природой. Так возникшая борьба между идеалом цельного и гармоничного существования и необходимостью разменивать себя на единичные обстоя-

тельства приводит к недовольству, к чувству своей бытийной жалкости. Исход: добровольная смерть ради сближения с бесконечной природой.

Социальный конфликт углубляет душевную драму и стимулирует решение. Тема социального конфликта, первогема романтики: разрыв гения со средой. Гений не в силах вынести ничтожество людей, — люди не могут допустить превосходство гения (см. Дильтей).

Избегая снижения, Эмпедокл избирает сначала уединение на Этне, чтобы выше поставить себя и из отдаленности, в единении со всем живым, созерцать все им любимое. Но неблагодарность сограждан и униженная гордость побуждают к смерти.

Выполненная трагедия (1 вариант) отстывает от первоначальной мотивации душевной драмы. Ее основной мотив: разрыв с природой и утрата блаженства и ведовской магии за самообожествление. Смысл самопожертвования не только личен (очищение — катарсис), но и сверхличен: дать жертвой побудительный импульс для высшей жизни са ой гражданской общине — агригентянам. Этот идеал: гармония в построении общества должна отвечать структуре вселенской гармонии. Что таковая есть — постулировано.

В а р и а н т II.—«Эмпедокл на Этне» представлен: а) наброском и ремарками к отдельным сценам. б) Сжатым, нечетким планом пятиактовой трагедии. в) Выполненными двумя сценами 1 акта. Взаимоотношения участников, структура драматического сюжета видоизменены. Противником выдвинут брат Эмпедокла Стратон, властитель Агригента. Пантея — теперь сестра. Павзаний — друг. Важнее введение нового лица — египтянина, старца Манеса. Он мистагог, учитель Эмпедокла, носитель таинственной египетской мудрости — но вдруг снижается до роли ученика. Возникает мысль: сцена Эмпедокл — Манес не должна ли заполнить пустоту между разлукой Эмпедокла и Павзания и предсмертным монологом Эмпедокла в первом варианте.

С ю ж е т. Эмпедокл изгнан. Причина: распря со Стратоном, Этна. Прощание с Павзанием. Встреча с Манесом. Недовольство народа отсутствием Эмпедокла: народ требует вернуть его. Манес посредник между братьями.

Смерть Эмпедокла. Апофеоз. Участвует хор. Чувствуется пышность. Сценичность.

Примечание: Даты по эм. 1) 1797 г. август. К брату. 2) 1798, 12 ноября. К другу Невферу. 3) Ср. 1798. Из Франкфурта. К брату. 4) 1798, ноябрь. К матери. 5) 1798, дек. К матери. 6) 1799, март. К матери. 7) 1799, 4 июня. К брату. 8) 1799, сент. К Суз. Гон-тар. 6) 1801, 4 дек. К Бблендорфу. Из Нюртингена.

СЛОВНИК

Агригент — древне-греческий город, на скале на южном берегу Сицилии. Теперь: Джирдженти.

Антигона — трагедия греческого поэта Софокла. Героиня — девушка. Высокий образ нравственного самосознания в противовес формальному законодательству государства.

Ахерон — одна из четырех рек подземного мира — Аида.

Веста — римская богиня очага. Охранительница гражданства. В ее храме пылал неугасимый огонь. При нем специальный орден жриц-монашек: весталки-девственницы. В трагедии Веста вместо эллинской Гестии.

Гелиос — эллинский Солнцебог.

Герои — эллинский культ героев (греч. heros) Языческие святые. 1. Богочеловеки: богатыри мифологии (напр., Диоскуры). 2. Человек-боги: героизированные, обожествленные люди, поэты, атлеты, градостроители, павшие бойцы и др. Герои мифологии жили на островах Блаженства, возносились живыми на Олимп. Греческий философ Эфгелер учил: боги суть возвеличенные человеческие герои.

Делия — имя может быть в связи с греческим словом «делос» — понятный. Смысл: Делия — рассудочная.

Делос — остров Архипелага из группы Кикладских. Был славен в древности культом Аполлона и атлетическими и музическими состязаниями. Там же обще-эллинский культ богини Гестии.

Диоскуры — герои эллинской мифологии. Братья-близнецы, спасители в бедствиях: Кастор и Полидевк. Идеал дружбы. Неразлучны в битвах. Когда один пал, другой живым последовал за ним в подземный мир.

Египетские мудрецы — жрецы, обычно учителя эллинских философов (Солона, Пифагора, Платона и др.) Хранители древних мистических тайн со времен Атлантиды. В настоящее время древняя Атлантида открыта в Африке.

Зевс — здесь: Зевс-Эфир (В немецком тексте вместо Зевса стоит Юпитер).

Ирида — радуга. Золотокрылая, росистая вестница богов.

Космогония — учение о происхождении мира (Космоса).

Метемпсихоз — учение о перевоплощении, переселении душ. В Элладе — орфики, пифагорейцы, Эмпедокл, Платон и др.

Нелля — заплата: песнь-жалоба по мертвым.

Ниобея — олицетворение скорбящей. Эллинская героида — мать наказанная за материнскую кичливость: все ее дети погибли от стрел богов. Сама Ниобея была обращена в камень или растеклась дождем.

Нума — легендарный царь Рима.

Олимп — гора в Греции. Местопребывание богов. Здесь в пантеистическом смысле. Олимп — природа, вечно-явная божественная жизнь.

Пифия — прорицательница — оракул в храме Дельф. По преданию Пифия пьет из священного ключа, варит лавровые листья, усаживается на треножник, впадает в экстаз и вещает. Специальные жрецы прислушивались к ее словам, храмовые поэты передавали их в форме кратких, метких, иногда двусмысленных изречений стихами. Оракул имел политическое значение.

Пантея — здесь имя, от слов «пан» — весь, «тея» — божественная: всебожественная.

Сатурн — бог, властитель эпохи золотого века, земного рая. Потому: времена Сатурна.

Тантал — мученик эллинского подземного ада — Аида — страны неведомой — Тартара. По шею в воде, под грозящим рухнуть утесом томится вечной жаждой и голодом. Вина Тантала: он царь, любимец богов и сотрапезник на пирах, от переизбытка счастья возгордился, захотел испытать всеведение богов и накормил их мясом собственного сына.

Элида — местность на западном берегу Пелопонеса (Морен).

Эфир — у эллинов в противовес «аэру» особой тонкости и чистоты слой воздуха. В «Теогонии» Гесиода эфир персонифицирован. Часто: супруг Земли. Здесь Эфир-Зевс в истолковании *vis vitalis*. Эмпедокл — пансихист.

БИБЛИОГРАФИЯ О ГЕЛЬДЕРЛИНЕ

Подробная библиография о Гельдерлине (на немецком языке) собрана Fr. Seebas, *Hölderlin-Bibliographie*.

Наиболее интересны труды:

1. Виндельбанд, см. Прелюдии (есть на русском языке)
2. W. Dilthey, *Das Erlebnis und die Dichtung*.
3. E. Cassirer, *Idee und Gestalt*.
4. H. Bethge, *Hölderlin* (популярная).
5. St. Zweig, *Der Kampf mit dem Dämon*.
6. E. Michel, *Die Tragik des orphischen Dichters*.

Научное значение имеют работы Pigenots, Hellingrath, Zinkernagel, Seebas.

О Гельдерлине и Гегеле см. работы: Peterson, *Hölderlin und Hegel*; Klaiber, *Hölderlin-Hegel-Schelling in ihrer schwäbischer Lügend*.

О Гельдерлине и Нитче см. работы: Esswein, Ilgenstein, Karlowa, Liegler, Sängler, Bertram и др.

На английском: работы Montgomery M.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стран.</i>
Предисловие	5

Смерть Эмпедокла

Акт первый	17
Акт второй	65
Песнь судьбы	109

Комментарий

Предварения к комментарию	113
Эмпедокл из Агригента	114
Зарождение темы	122
К истории текста	128
<i>Словник</i>	133
<i>Библиография</i>	135

№. № 6383
Демоногиэ
ГАЗИ
19 12
10-

100

Цена 1 р. 70 к.
Папка 30 коп.

Цена 1 р. 70 к.
Папка 30 коп.

11-12